

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU59011629

891.7 V556 I3

Sochinenia Veneviti

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Соч. Веневитинова.

1

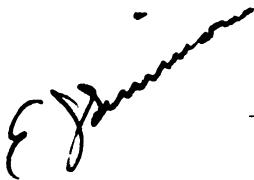
PRINTED IN RUSSIA

SSIA 41

СОЧИНЕНІЯ

ВЕНЕВИТИНОВА.

Издание Александра Смирдина.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Смирдинъ', written in a cursive style. The signature is positioned to the left of a decorative horizontal line.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

891.7V556

I 3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ что бы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 Мая 1855 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

*Цена за соч. Веневитинова и Пушкина В. Л.
одинъ рубль.*

10392 F

MAY 22 1961 JR

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1*

ПРЕДИСЛОВІЕ
къ
ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ СТИХОТВОРЕНІЙ
ВЕНЕВИТІНОВА.

Издавая сочиненія Дмитрія Веневитинова, столь рано похищеннаго смертію, мы думаемъ исполнить священный долгъ, которымъ обязаны его памяти и нашимъ Соотечественникамъ, знавшимъ талантъ сего юнаго поэта изъ немногихъ напечатанныхъ его произведеній. Въ семь собраній предлагаемъ публикѣ все, что онъ по себѣ оставилъ. Она конечно пожалѣетъ, что подававшій столь блестящія надежды не успѣлъ ихъ исполнить; и скорбь истинныхъ друзей его о преждевременной его

кончинѣ, вѣрно найдетъ неложное участіе и во всѣхъ друзьяхъ отечественной словесности.

Дмитрій Веневитиновъ не достигнулъ тѣхъ лѣтъ, когда человѣкъ можетъ равно дѣйствовать всѣми своими способностями; но онъ уже успѣлъ выразить свои отличительныя качества. Читатели найдутъ въ его сочиненіяхъ отпечатокъ прекрасной, высокой души. Вѣрный признакъ истиннаго таланта есть та искренность, то непритворство, съ которымъ онъ предается своимъ внушеніямъ и высказываетъ оныя. Эта искренность не подлежитъ сомнѣнію въ произведеніяхъ Веневитинова: вездѣ видны изліяніе свободнаго чувства, оригинальность дарованія, и по нимъ отчасти можно разгадать его характеръ; ибо самая жизнь его, еще не успѣвъ раскрыться въ сферѣ обыкновенной дѣятельности, была ничто иное, какъ сцѣпленіе пѣтическихъ чувствъ и впечатлѣній. Все, что способно возбудить чувство высокое, занять сердце пылкое, но пламенѣющее для одного изящнаго, все то проходило не вскользь по душѣ его; другія страсти были ему неизвѣстны, и слѣды прежнихъ, даже младенческихъ порывовъ остались

въ немъ неизгладимы. Отъ того сохранилъ онъ до конца невинную простоту характера: друзьямъ его было знакомо доброе безкорыстіе его сердца; имъ простодушно ввѣрялъ онъ все его тайны, имъ открывался весь какимъ зналъ себя.

Д. Веневитиновъ родился въ Москвѣ, 14 сентября 1805 года, и большую часть краткой своей жизни провелъ въ семь городѣ. Онъ обучался дома. Рано обнаружились въ немъ необыкновенныя способности къ живописи и музыкѣ; но занятія важнѣйшія не позволили ему предаться имъ совершенно. Прилѣжно изучивъ многіе древніе и новѣйшіе языки, онъ съ жадностію перечитывалъ творенія классиковъ, и въ часы свободныя переводилъ въ стихахъ отрывки, особенно его поражавшіе. Жаль, что онъ не сохранилъ сихъ первыхъ опытовъ своей юности, въ которыхъ уже видно было дарованіе. Чтеніе критическихъ книгъ было также съ раннихъ лѣтъ однимъ изъ любимыхъ его занятій. Почувствовавъ со временемъ всю бѣдность сужденій основанныхъ на однихъ частныхъ наблюденіяхъ, онъ ревностно сталъ изучать критиковъ

✓ Нѣмецкихъ и съ жаромъ принялся за ту науку, которой цѣль есть познаніе насъ самихъ и которая, стремясь все привести къ единству, имѣетъ нынѣ видимое вліяніе на всѣ отрасли знаній. Съ тѣхъ поръ предметомъ его размышленій было его собственное, внутреннее чувство. Повѣрять, распознавать его, было главнымъ занятіемъ его разсудка. Отъ того, не смотря на веселость, даже на самозабвеніе, съ которымъ онъ часто предавался минутному расположенію духа, характеръ его былъ совершенно *меланхолическій*; отъ того и въ произведеніяхъ его господствуетъ болѣе чувство, нежели фантазія. Но чувство сіе было глубокое: всѣ мгновенные порывы души старался онъ удержать на вѣки въ самомъ себѣ, и въ себѣ единственно искалъ отвѣта на всѣ загадки жизни. Онъ самъ выразилъ это въ слѣдующихъ стихахъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай.

Желаніе служить отечеству не только словомъ, но и дѣломъ, отторгло его отъ семей-

ства, въ кругу котораго дотолѣ находилъ онъ истинное счастье. Въ концѣ 1826 года, онъ переселился въ Петербургъ и ревностно сталъ заниматься службою по Министерству Иностранныхъ дѣлъ. — Но здоровье его было уже разстроено. Нѣтъ сомнѣнiя, что причиною преждевременной его смерти были частыя, сильныя потрясенiя пылкой, дѣятельной души его. Онѣ разстроили его внутреннiй организмъ, и наконецъ сильная нервическая горячка пресѣкла въ 8 дней юную жизнь его, не богатую случаями, но богатую чувствованiями. Онъ скончался 15 Марта 1827 года, на 22 году отъ рожденiя. Скорбь друзей есть лучшая похвала его душевнымъ качествамъ. Они вѣчно будутъ хранить въ памяти отличительныя черты его благороднаго сердца. Предоставляемъ публикѣ по симъ немногимъ произведенiямъ, большею частiю отрывочнымъ, судить объ его возраставшемъ талантѣ.

1827 года.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть богатства страсть терзаетъ
Алчущихъ рабовъ своихъ!
Пусть ихъ златомъ осыпаетъ,
Пусть они изъ странъ чужихъ
Съ нагруженными судами
Волны ярыя дробятъ: —
Я безъ золота богатъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть веселій рой шумящій
За собой толпы влечеть!
Пусть на ихъ олтарь блестящій
Каждый жертву понесеть!
Не стремлюсь за ихъ толпами —
Я безъ шумныхъ ихъ страстей
Весель участію своей
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

ЗНАМЕНІЯ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ ЦЕЗАРЯ.

(Отрывокъ изъ *Виргиліевыхъ Георгикъ*.)

О Фебъ! тебя-ль дерзнемъ обманчивымъ на-
звать?
Не твой-ли быстрый взоръ умѣетъ проникать
До глубины сердець, гдѣ возникаютъ мщенья
И злобы бурныя но тайныя волненья?
По смерти Цезаря ты съ Римомъ скорбь дѣ-
лилъ,
Кровавымъ облакомъ чело твое покрылъ;
Ты отвратилъ отъ насъ разгнѣванныя очи,
И міръ, преступный міръ, страшился вѣчной
ночи.
Но все грозило намъ — и ревъ морскихъ валовъ,
И врановъ томный кликъ, и лай ужасный псовъ.

Колькраты зрѣли мы, какъ Этны горнъ кремни-
стой

Расплавлены скалы вращалъ рѣкой огнистой,
И пламя клубами на поле изрыгалъ.

Германецъ трепетный на небеса взиралъ ;
Со трескомъ облака сражались съ облаками ,
И Альпы двигались подъ вѣчными снѣгами.
Священный лѣсъ стоналъ ; — во мглѣ густой но-
чей

Скитался блѣдный сонмъ мелькающихъ тѣней.
Мѣдъ потомъ залилась, (чудесный знакъ печали!)
На мраморахъ боговъ мы слезы примѣчали.
Земля отверзлася, Тибръ устремился вспять,
И звѣри къ ужасу могли слова вѣщать ;
Разлитый Эриданъ кипящими волнами
Увлекъ дремучій лѣсъ и пастырей съ стадами.
Во внутренности жертвъ священный взоръ жре-
цовъ

Читалъ лишь бѣдствія и грозный гнѣвъ боговъ ;
Въ кровавыя струи потоки обращались ;
Волки ревушіе средь стонгъ во мглѣ скитались ;
Мы зрѣли въ ясный день и молнію , и громъ ,
И страшную звѣзду съ пылающимъ хвостомъ.

И такъ вторицею орлы дрались съ орлами.
Въ поляхъ Филипповыхъ подъ тѣмижъ знамени-
ми

Родные межъ собой сражались вновь полки,
И въ битвѣ падалъ братъ отъ братниной руки,
Двукраты рокъ велѣлъ, чтобъ Римскія дружины
Питали кровію Фракійскія долины.

Быть можетъ, нѣкогда въ обширныхъ сихъ
поляхъ,
Гдѣ нашихъ воиновъ лежитъ бездушный прахъ,
Спокойный селянинъ тяжелой бороною
Ударить въ шлемъ пустой — и трепетной рукою
Подниметъ ржавый щитъ, затупленный булатъ,—
И кости подъ его стопами загремятъ.

ВЪ ДРУЗЬЯМЪ

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Друзья! насталь и *новый годъ!*
Забудьте старыя печали,
И скорби дни, и дни заботъ,
И все, чѣмъ радость убивали; —
Но не забудьте ясныхъ дней,
Забавъ, веселій легкокрылыхъ,
Златыхъ часовъ для сердца милыхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Живите новымъ въ *новый годъ,*
Покиньте старыя мечтанья,
И все, что счастья не даетъ,
А лишь однѣ родитъ желанья!

По прежнему въ годъ новѣй сей
Любите Музъ и пѣсень сладость,
Любите шутки, игры, радость,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Друзья! встрѣчайте новѣй годъ
Въ кругу родныхъ, среди свободы:
Пусть онъ для васъ, друзья, течётъ,
Какъ дѣтства счастливые годы.
Но средь Петропольскихъ затѣй
Не забывайте звуковъ лирныхъ,
Занятій сладостныхъ и мирныхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

ВѢТЧНА.

изъ Грессе 1902

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой, —
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривой
Младую вѣточку сорвѣтъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она вѣется, упадая

На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена,
То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ — все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомыя края:
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣй вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь! — такъ къ вѣрной цѣли
Необоримою волной
Потокъ насъ вѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

Шуми Осетръ! твой берегъ украшенъ
Дѣлами славной старины;
Ты роешь камни мшистыхъ башень
И древней, твердыя стѣны.
Обросшей давнею травою.
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?
Иль для грядущихъ поколѣній
Какъ памятникъ стоятъ онѣ
Воинскихъ, громкихъ приключеній?
Такъ, — брань пылала въ сей странѣ;
Но бранныхъ нѣтъ уже: могила
Могучихъ съ слабыми сравнила.
На полѣ битвъ — глубокий сонъ.
Прошло побѣды ликованье,
Умолкнулъ побѣжденныхъ стонъ;
Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вокругъ нѣмыхъ гробовъ.

Взгляни какъ новое свѣтило,
Гроза пылающимъ хвостомъ,
Поля Рязански озарило
Зловѣщимъ пурпурнымъ лучёмъ.

Небесный сводъ отъ метеора
Багровымъ заревомъ горить.
Толпа средь Княжескаго двора
Растеть, тѣсниться и шумить;
Младые старцевъ окружаютъ
И жадно ловятъ ихъ слова:
Несется разная молва.
Изъ нихъ иные предвѣщаютъ
Войну кровавую иль гладь;
Другіе даже говорятъ,
Что скоро, къ ужасу вселенной,
Раздастся звукъ трубы священной
И съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ
Прочится Ангелъ истребленья.
На лицахъ суевѣрный страхъ,
И съ хладнымъ трепетомъ смятенья
Власы поднялись на челахъ.

ВТОРЫЙ ОТРЫВОКЪ

изъ неконченой поэмы.

Средь терема, въ покоѣ тѣмномъ,
Подъ сводомъ мрачнымъ и огромнымъ,
Гдѣ тускло, межъ столбовъ, мелькалъ
Свѣтильникъ блѣдный, одинокій,
И слабымъ свѣтомъ озарялъ
И лики стѣнъ, и сводъ высокій

Съ изображеньями Святыхъ, —
Князь Ѳедоръ окруженъ толпою
Бояръ и братьевъ молодыхъ.
Но нѣтъ веселія межъ нихъ:
Въ борьбѣ съ тревогою нѣмою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный Князь, ✓
И на челѣ его прекрасномъ
Блуждали мысли, какъ весной
Блуждаютъ тучи въ небѣ ясномъ.
За часомъ длился часъ другой;
Князья, Бояре всѣ молчали —
Лишь чаши звонкія стучали,
И въ нихъ шипѣлъ кипящій мѣдъ.
Но мѣдъ, сердцеъ Славянскихъ радость,
Душа пировъ и врагъ заботъ,
Для Князя потерялъ всю сладость,
И Ѳедоръ безъ отрады пѣтъ.
Въ немъ сердце къ радости остыло:

.
Ты улетѣлъ, восторгъ счастливый,
И вы, прелестныя мечты,
Весенней жизни красоты,
Ахъ! вы увяли, какъ средь нивы
На мигъ блеснувшіе цвѣты!
За чѣмъ, за чѣмъ тоскѣ унылой
Младое сердце онъ отдалъ?
Давно ли онъ съ супругой милой
Одну лишь радость въ жизни зналъ?
Бывало, братья удалые

Сбирались шумною толпой:
Меж нихъ младая Евпраксія
Была веселости душой,
И часъ вечерняго досуга,
Въ бесѣдѣ дружескаго круга,
Какъ чистый, быстрый мигъ летѣлъ.

ПѢСНЬ КОЛЬМЫ.

изъ Мадридскаго

Ужасна ночь, а я одна
Здѣсь на вершинѣ одинокой.
Вокругъ меня стихій война.
Въ ущеліяхъ горы высокой
Я слышу вѣтровъ свистъ глухой.
Здѣсь по скаламъ съ горы крутой
Стремится внизъ потокъ ревучій,
Ужасно надъ моей главой
Гремить перунъ, несутся тучи.
Куда бѣжать? гдѣ милый мой?
Увы, подъ бурю ночью
Я безъ убѣжища, одна!
Блесни на высотѣ, луна,
Возстань, явися надъ горою!
Быть можетъ, благодатный свѣтъ
Меня въ Сальгару приведетъ.

Онъ вѣрно ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
Въ дубравѣ иль въ степи глухой,
Сложивши съ плечъ свой лукъ могучій
Съ опущенною тетивой,
И презирая громъ и тучи,
Ему знакомый буря вой,
Лежить на муравѣ сырой.
Иль ждетъ онъ на горѣ пустынной,
Доколѣ не наступитъ день
И не разсѣетъ ночи длинной.
Ужаснѣй громъ; ужаснѣй тѣнь;
Сильнѣе вѣтровъ завыванье;
Сильнѣе волнъ сѣдыхъ плесканье!
И гласа не слышать!
О вѣрный другъ! Сальгаръ мой милый!
Гдѣ ты? ахъ, долголь мнѣ унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вотъ дубъ, потокъ, о брегъ дробимый,
Гдѣ ты клялся до ночи быты!
И для тебя мой кровъ родимый
И братъ любезный мной забытъ.
Семейства наши знаютъ мщенье,
Онѣ враги между собой:
Мы не враги, Сальгаръ, съ тобой.
Умолкни, вѣтръ, хоть на мгновенье!
Остановись, потокъ сѣдой!
Быть можетъ, что любовникъ мой
Услышитъ голосъ, имъ любимый!
Сальгаръ! здѣсь Коляма ждетъ;

Здѣсь дубъ, потокъ, о брегъ дробимый;
Здѣсь все: лишь милаго здѣсь нѣтъ.

ВЪ САРДІИ
ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕМУ ВОДЕВИДЯ.

Не плодъ высокихъ вдохновеній
Пѣвецъ и другъ тебѣ приносить въ даръ;
Не Піэридъ небесный жаръ,
Не пламенный восторгъ, не геній
Моей душою обладалъ:
Нестройной пѣснью моя звучала лира,
И я въ безумьи промѣнялъ
Улыбку музъ на смѣхъ Сатира.
Но ты простишь мнѣ грѣхъ безвинный мой;
Ты самъ, прекраснаго искатель,
Искусствъ счастливый обожатель,
Не рѣдко для проказъ забывъ восторгъ живой,
Кидая кисть — орудье дарованья,
Предъ музами грѣшилъ наединѣ
И смѣлымъ углемъ на стѣнѣ
Чертилъ Фантазіи игривыя созданья.
Воображенье безъ оковъ,
Оно какъ бабочка игриво:
То любитъ надъ блестящей нивой

Порхать въ кругу земныхъ цвѣтовъ,
То къ радугѣ, къ цвѣтамъ небеснымъ
мчится.

Не думай, чтобъ во мнѣ погасъ
Къ высокимъ пѣснямъ жаръ! Нѣтъ, онъ въ ду-
шѣ таится,
Его пробудить вновь Поэта мощный гласъ,
И смѣлый ученикъ Байрона,
Я устремлюсь на крыліяхъ мечты
Къ волшебной сторонѣ, гдѣ лебедь Альбіона
Срывалъ забытые цвѣты.
Пусть это сонъ! меня онъ утѣшаетъ,
И я не буду унывать,
Пока судьба мнѣ позволяетъ
Восторгъ съ друзьями раздѣлять.
О другъ! мы разными стезями
Пройдемъ опредѣленный путь:
Ты избралъ поприще покрытое трудами,
Я захотѣлъ заранѣй отдохнуть;
Подъ мирной сѣнію оливы
Я избралъ свой пріютъ; но жребій мой счастли-
вый

Не долженъ славою мелькнуть:
У скромной тишины на лонѣ
Прокрадется безвѣстно жизнь моя,
Какъ тихая вода пустыннаго ручья.
Ты бодрый духъ обрекъ Беллонѣ,
И доблесть сильныхъ возлюбя,
Обрекъ свой мечъ кумиру громкой славы. —
Иди!—Но стана шумъ, воинскія забавы,

Соч. Веневитинова.

2

Все будетъ чуждо для тебя,
Какъ сна неожиданя видѣнья,
Какъ мира новаго явленья.
Быть можетъ, на берегу Днѣпра,
Когда въ тѣни подвижнаго шатра
Твои товарищи, драгуны удалые,
Кипя отвагой боевой,
Сберутся вокругъ тебя шумящею толпой,
И громко зазвучатъ бокалы круговые,—
Жалѣя мысляю о прежней тишинѣ,
Ты вспомнишь о друзьяхъ, ты вспомнишь обо
мнѣ;
Чуждаясь новыхъ сихъ веселій,
О списокъ вспомнишь ты моемъ,
Иль взоръ нечаянно остановивъ на немъ,
Промолвишь про себя: мы нѣкогда умѣли
Шалить съ пристойностью, проказничать съ
умомъ.

С О Ш Е Т Ь

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохно-
венья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталось надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалою!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ ээира
И хаосъ задавилъ природу пустотой, —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

С О Н Е Т Ъ.

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишь воспоминаніе отъ прежняго храня.

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ
волнъ;

Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти
полнъ,
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благославляетъ.

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА
ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО ПРОЛОГА:
СМЕРТЬ БАЙРОНА.*

—

I.

БАЙРОНЪ.

Къ тебѣ стремился я, страна очарованій!
Ты въ блескѣ снилась мнѣ, и ясный образъ твой,
Въ волшебные часы мечтаній,
На крыльяхъ радужныхъ леталъ передо мной.
Ты обѣщала мнѣ отдать восторгъ цѣлебной,
Насытитъ жадный духъ добычею вѣковъ, —
И стройный хоръ твоихъ пѣвцовъ,
Гремя гармоніей волшебной,
Мнѣ издали манилъ съ полуденныхъ береговъ.
Здѣсь думалъ я поднять таинственный покровъ
Съ чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытыя черты,
И въ Океанѣ красоты
Забыть обманъ любви, забыть обманъ свободы.

* Планъ сего пролога неизвестенъ.

II.

ВОЖДЬ ГРЕКОВЪ.

Сынъ Сѣвера! Взгляни на волны:
Ихъ вражіи покрыли корабли,
Но часъ пройдетъ, — и наши чолны
Имъ смерть на встрѣчу понесли!
Они еще сокрыты за скалою,
Но скоро вылѣтятъ на произволъ валовъ.
Сынъ Сѣвера! готовься къ бою.

ВАЙРОНЪ.

Я умереть всегда готовъ.

ВОЖДЬ.

Да! Смерть сладка, когда цвѣтъ жизни
Приносишь, въ дань своей отчизнѣ.
Я самъ не разъ ее встрѣчалъ
Средь нашей доблестной дружины,
И зыбкости морской пучины
Надежду, жизнь и все ввѣрялъ.
Я помню славный берегъ Хіо—
Онъ въ памяти и у враговъ.
Средь вѣрной пристани ночуя,
Спокойные Магометане
Не думали о шумѣ браней.
Покой лелѣялъ ихъ безпечность.
Но мы, мы Греки, не боимся
Тревожить сонъ своихъ враговъ:
Летимъ на десяти ладьяхъ;

Взвились молнии роковыя,
И вмигъ зажглись валы морскіе.
Громады кораблей взлетѣли, —
И все затихло въ безднѣ водъ.
Чтожь озарилъ лучъ ясный утра? —
Лишь опустѣлый Океанъ,
Гдѣ изрѣдка обломокъ судна
Къ зеленымъ несея берегамъ,
Иль трупъ холодный, и съ чалмою,
Качался тихо надъ волною.

III.

ХОГЪ.

Валы Архипелага
Кипятъ подъ злой ватагой;
Друзья! на корабляхъ
Вдали чалмы мелькаютъ,
И мѣсяцы сверкаютъ
На бѣлыхъ парусахъ.

Плывутъ рабы Султана,
Но заповѣдь Корана
Имъ не залогъ побѣдъ.
Пусть ихъ несетъ отвага!
Сыны Архипелага
Имъ смерть пошлютъ во слѣдъ.

IV.

ХОРЪ.

Орелъ! Какой перунъ враждебной
Полетъ твой смѣлый прекратилъ?
Чей голосъ силою волшебной
Тебя созвалъ во тьму могилъ?
О Эвръ! вѣи вѣстію печальной!
Ревн уныло, бурный валъ!
Пусть Альбіона берегъ дальной
Трепеща слышитъ, что онъ палъ.

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побѣдъ!
Пусть вмѣсто лавровъ и награды
Надъ гробомъ грянетъ нашъ обѣдъ:
Сражаться съ пламенной душою
За счастье Греціи, за мечь,
И въ жертву падшему Герою
Луну поблекшую принести!

ПѢСНЬ ГРЕКА.

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.

Но Турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья. . .
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая,
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Не лиль я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій чолнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
Сестра рыдала, — покрываломъ
Печальный взоръ полузакрѣтъ;
Но слыша тихое моленье,
Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Плывемъ, и при лунѣ серебристой
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху какъ тѣнь на башнѣ мшистой
Шагалъ Турецкой часовой;
Чалма склонилася къ пищали —
Внезапно волны засверкали,
И вотъ — въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая.
Я обнялъ тѣло, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Востокъ румянился зарею,
Пристала къ берегу ладья,

И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,
Нѣтъ, подь скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной:
Я начерталъ обѣдъ священной:
За все мой мечъ вамъ отомстить.

Съ тѣхъ поръ меня Магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,
Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣдъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасной;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ отомстить.

—
ЛЮБИМЫЙ ЦВѢТЬ.

(ПОСВЯЩЕНО С. В. В.)

—
На небѣ все цвѣты прекрасны,
Всѣ мило свѣтятъ надъ землѣй,

Всѣ дышать горней красотой.
Люблю я цвѣтъ лазури ясный:
Онъ часто томностью плѣнялъ
Мои задумчивыя вѣжды
И въ сердце робкое вливалъ
Отраднѣйшій лучъ благой надежды;
Люблю, люблю я цвѣтъ луны,
Когда она въ поляхъ ээира,
Съ дарами сладостнаго мира,
Плыветъ какъ Ангелъ тишины;
Люблю цвѣтъ радуги прозрачной, —
Но изъ цвѣтовъ любимый мой
Есть цвѣтъ денницы молодой:
Въ семь цвѣтѣ, какъ въ одеждѣ брачной,
Сіяетъ утромъ небосклонъ;
Онъ цвѣтъ невинности счастливой;
Онъ чистъ, какъ дѣвы взоръ стыдливой;
И ясенъ, какъ младенца сонъ.

Когда и страхъ и рой веселій,
Все было чуждо для тебя
Въ предѣлахъ тѣсной колыбели:
Посланникъ неба, возлюбя
Младенца милую безпечность,
Тебя лелѣялъ въ тишинѣ;
Ты почивала, но во снѣ,
Душой разгадывая вѣчность,
Встрѣчала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной. . . .
Что сорвало улыбку ту,

Что зрѣла ты—миѣ неизвѣстно ;
Но твой хранитель-гость небесной
Взмахнулъ таинственнымъ крыломъ , —
И тѣнь ночная пробѣжала ,
На небосклонѣ заиграла
Денница пурпурнымъ огнёмъ ,
И лучъ румянаго разсвѣта
Твои ланиты озарилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ вдвое сталъ миѣ милъ ,
Сей лучъ румянаго расвѣта.
Храни его . . . не даромъ онъ
На дѣвственныхъ щекахъ возжёнъ ;
Не отблескъ красоты напрасной ,
Нѣтъ ! онъ печать минуты ясной ,
Залогъ онъ тайный , не земной.
На небѣ всѣ цвѣты прекрасны ,
Всѣ дышать горней красотой ;
Но межъ цвѣтовъ есть цвѣтъ святой ,
То цвѣтъ денницы молодой.

—
К. И. ГЕРКЕ.

(ПРИ ПОСЛАВІИ ТРАГЕДІИ ВЕРНЕРА).

—
Въ вечерній часъ уединенья,
Когда свободный ошъ трудовъ

Ты сердцемъ жаждешь вдохновенья,
Гармонья сладостной стиховъ.

Читай — мечтай — пусть предъ тобою
Завѣса времени падеть,
И ясной, длинной чередою
Промчится рядъ минувшихъ лѣтъ!

Взгляни! — уже могучій Геній
Расторгнулъ хладный мракъ могилъ;
Уже собравъ Героевъ тѣни,
Тебя ихъ сонмомъ окружилъ —

Узнай печать небесной силы
На поблѣдывшихъ ихъ челахъ.
Ея не сгладилъ прахъ могилы,
И тотъ же пламень въ ихъ очахъ.

Но ты во храмѣ—вкругъ гробницы,
Гдѣ милое дитя лежитъ,
Поютъ печальныя дѣвицы —
И къ небу стройный плачь летитъ.

«За чѣмъ она, какъ Майскій цвѣтъ,
«На мигъ блеснувшій красотою,
«Оставила такъ рано свѣтъ
«И радость унесла съ собою»!

Ты слушаешь — и слезы пади
На листъ съ пылающихъ ланитъ,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелить. —

Блаженъ, блаженъ, кто въ полдень жизни
И на закатъ ясныхъ лѣтъ,
Какъ въ нѣдрахъ радостной отчизны,
Еще въ фантазиі живеть.

Кому небесное — родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенъе молодое
И разумъ съ пламенной душой.

Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пустова не найдетъ,
И воскликнетъ, въ чувствахъ упоенья:
«Прекрасному предъложь ильтъ!»

ПОСЛАНИЕ КЪ Р-НУ.

Я молодъ, другъ мой, въ цвѣтѣ ^{бывали} лѣтъ,
Но я извѣдалъ жизни море,
И для меня ужъ тайны нѣтъ
Ни въ пылкой радости, ни въ горѣ.
Я долго тѣшился мечтой,
Звѣздамъ небеснымъ слѣпо вѣрилъ,
И океанъ безбрежный мѣрилъ
Своею утлою ладьей.
Съ надменной радостью бывало
Глядѣлъ я, какъ мой смѣлый чолнъ
Печаталъ слѣдъ свой въ безднѣ волнъ.
Меня пучина не пугала:
»Чего страшиться?» думалъ я,
«Бывалось зеркало такъ ясно
Какъ зыбь морей?» Такъ думалъ я,
И гордо плыль, забывъ края.
И чтожь скрывалось подъ волною?
О камень грянулъ я ладьёю,
И въ дребезги моя ладья!
Обмануть небомъ и мечтою,
Я проклиалъ жребій и мечты...
Но издали манилъ мнѣ ты,
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ,
И съ хладной жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ Музъ и вдохновья?
Узналъ ли бѣ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?—
Не вспльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вокругъ него, въ чаду утѣхъ,
Будтуеть вѣтреная младость, —
Безумный крикъ, холодный смѣхъ
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня — простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчить:
Въ душѣ заботливо хранить
Онъ неразгаданныя чувства.
Когдажъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь, —

Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будтобъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ Музъ и вдохновенья!

НОВГОРОДЪ.

(Посвящено К. А. И. Трудцеву)

написано
Трудцеву

Валей, ямщикъ, да говори:
Далеколь Новградъ?

«Не далеко,

«Версты четыре или три.

«Вотъ видишь что-то тамъ высоко,

«Какъ черный лѣсъ нвѣ далека. . . .»

— Ну, вижу это: облака. —

«Нѣтъ, это Новградскія кровли.»

Тыль предо мной, о древній градъ
Довольства, славы и торговли!

Какъ живо сердцу говорятъ

Холмы разсѣянныхъ обломковъ!

Не смолкли въ нихъ твои дѣла,

И слава предковъ перешла

Въ уста правдивыя потомковъ.

«Ну тройка, духомъ донесла!»

— Потише. Гдѣ Соборъ Софійской?

«Соборъ отсюда, баринъ, близко.

«Вотъ улица, да въ лѣво двѣ,

«А тамъ найдешь хоть самъ собою

«И крестъ на голубой главѣ

«Ужъ будетъ прямо предъ тобой.»

— Вездѣ было свѣжій слѣдъ.

Вѣка прошли; . . . но ихъ полетъ

Промчался здѣсь не разрушая.

— Ямщикъ, гдѣ площадь вѣчевая?

«Прозванья этого здѣсь нѣтъ . . .»

— Какъ нѣтъ?

«А площадь не далеко

«За этой улицей широкой. . .

«Вотъ площадь. Видишь шесть столбовъ;

«По сказкамъ нашихъ стариковъ,

«На сихъ столбахъ висѣлъ когда-то

«Огромный колоколъ: но онъ
«Давно отсюда увезенъ.»

Гдѣ Волховъ?

«Онъ передъ тобой
«Течетъ подъ этою горой.»
— Все также онъ волною шумной
Играя, весело бѣжитъ.
Онъ о минувшемъ не груститъ.
Такъ все здѣсь близко, какъ и прежде.
Теперь ты самъ отвѣтствуй мнѣ,
О Новградъ! въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной, какъ въ сѣдинѣ
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласитъ какъ бдящій вѣстникъ
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы,
Когда твой голосъ, бичъ Князей,
Звуча здѣсь мѣдью въ бурномъ вѣчѣ,
Къ суду или кровавой сѣчѣ
Сзываетъ послушныхъ сыновей;
Когда твой мечъ, гроза сосѣда,
Каралъ Ливонію и Шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой.
Скажи: гдѣ эти времена? —
Онѣ далеко, ахъ, далеко!

МОЯ МОЛИТВА.

—
Души невидимый хранитель!
Услышь моление мое:
Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ее,
Да черезъ мой порогъ смиренный
Не прешагнешь, какъ тать ночной,
Ни оболститель ухищренный,
Ни лѣнь съ убитою душой,
Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложной другъ съ коварствомъ скрытымъ.
Всегда надежною броней
Пусть будетъ грудь моя одѣта,
Да не сразитъ меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной оѣхни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни.
Но въ душу влей покоя сладость,
Посѣй надежды сѣмена,
И отжени отъ сердца радость:—
Она — невѣрная жена.

—

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый рассказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалика, —
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игриво!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ — на все глядимъ лѣнливо,
Потомъ — и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

ПОСЛАНИЕ ВЪ Р-ну.

Оставь, о другъ мой, рапортъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищеть въ чужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.

Не вѣрь, чтобъ люди равняли
Сердцеъ возвышенныхъ печали.
Скупая дружба ихъ дарить
Пустыя ласки, а не счастье;
Гордись, что ими ты забытъ, —
Ихъ равнодушное безстрастье
Тебѣ да будетъ похвалою.
Зарѣ не улыбался камень;
Такъ и сердцеъ небесный пламень
Толпѣ бездушной и пустой
Всегда былъ тайной непонятной.
Встрѣчай ее съ душой булатной
И не страшись отъ слабыхъ рукъ
Ни сильныхъ ранъ, ни тяжкихъ мукъ.
О еслибъ могъ ты быстрымъ взоромъ
Мой новый жребій пробѣжать,
Ты пересталъ бы искушать
Судьбу неправеднымъ укоромъ.
Когдабъ ты видѣлъ этотъ мѣръ,
Гдѣ взоръ и вкусъ разочарованъ,
Гдѣ чувство стынеть, умъ окованъ
И гдѣ тщеславіе — кумиръ;
Когдабъ въ пустынь многолюдной
Ты не нашелъ души одной, —
Повѣрь, тыбъ на всегда, другъ мой,
Забывъ свой ропотъ безразсудной.
Какъ часто въ пламени рѣчей,
Носясь мыслью средь друзей,
Мечтѣ обманчивой послушной,
Давалъ я руку простодушно —

Никто ни жалъ руки моей.
Здѣсь лаской жаркаго привѣта
Душа молодая не согрѣта.
Не нахожу я здѣсь въ очахъ
Огня, возженнаго въ нихъ чувствомъ,
И слово, сжатое искусствомъ,
Невольно мретъ въ моихъ устахъ.
О еслибы могли моленья
Достигнуть до небесъ скупыхъ,
Не новой чаши наслажденья,
Я бь прежнихъ дней просилъ у нихъ.
Отдайте мнѣ друзей моихъ;
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.
Отдайте сладостные звуки:
Они мнѣ счастья поруки, —
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни.

Но нѣтъ! не все мнѣ измѣнило:
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ,
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ.
Его бесѣды и уроки
Ловлю вниманьемъ жаднымъ я:
Они и ясны и глубоки,

Какъ будто волны бытія:
Въ его фантазія богатой
Я полной жизнью ожилъ
И ранній опытъ не купилъ
Восторговъ раннею утратой.
Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни ткань.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань,
Какъ гордому владыкѣ міра:
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира?

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ гласъ послѣдняго страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна какъ голосъ прорицанья.
Внимайте: чтобъ сего кольца
Съ руки холодной не снимали; —
Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
И будутъ съ нимъ схоронены
Друзьямъ — привѣтъ и утѣшенье!
Восторговъ лучшія мгновенья
Мной были имъ посвящены.

Внимай и ты, моя богиня!
Теперь души твоей святиня
Мнѣ и доступней и яснѣй —
Во мнѣ умолкнулъ гласъ страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раемъ ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приблизься! вотъ могилы дверь,
И все позволено теперь —
Я не боюсь сужденийъ свѣта.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,
Какъ съ первой радостью привѣта
Въ раю ликъ Ангеловъ святыхъ
Устами чистыми лобзали,
Когда бы мы въ восторгѣ ихъ
За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали...
Но эту рѣчь ты позабудь —
Въ ней тайный ропотъ изступленья:
За чѣмъ холодныя сомнѣнья
Я вылилъ въ пламенную грудь?
Къ тебѣ одно, одно моленье —
Не забывай... Прочь увѣренья!
Клянись... Ты вѣришь, милый другъ,
Что за могильнымъ симъ предѣломъ
Душа моя простится съ тѣломъ ·
И будетъ жить какъ вѣчный духъ,
Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
Однимъ нетлѣніемъ одѣта.

Сей духъ, какъ вѣчно блестящій взоръ,
Твой будетъ спутникъ неотступной,
И если памятью преступной
Ты измѣнишь... Бѣда! съ тѣхъ поръ
Я тайно облечусь въ укоръ,
Къ душѣ прилипу вѣроломной,
Въ ней пищу мщенія найду,
И будетъ сердцу грустно, томно, —
А я какъ червь не отпаду.

ВЪ МОЕМУ ПЕРСТЕНЮ.

Ты былъ открытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пали ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вѣчной
И надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
Святой обѣтъ произнесла;
Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогомъ состраданья.
О будь мой вѣрный талисманъ!
Храни меня отъ тяжкихъ ранъ
И свѣта и толпы ничтожной,

Соч. Венескинова.

Отъ ѣдкой жажды славы ложной,
Отъ обольстительной мечты
И отъ душевной пустоты.
Въ часы холоднаго сомнѣнья
Надеждой сердце оживи,
И если въ скорбяхъ заточенья,
Влали отъ Ангела любви,
• Оно замыслить преступленье, ...
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И отъ груди моей мятежной
Свинецъ безумства отврати.
Когда же я въ часъ смерти буду
Прощаться съ тѣмъ, что здѣсь люблю:
Тогда я друга умолю,
Чтобъ онъ съ моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снималъ,
Чтобъ насъ и гробъ не разлучалъ.
И просьба будетъ не бесплодна:
Онъ подтвердитъ обѣдъ мнѣ свой
Словами клятвы роковой.
Вѣка промчатся, и быть можетъ,
Что кто-нибудь мой прахъ встревежитъ
И въ немъ тебя отроетъ вновь;
И снова робкая любовь
Тебѣ прошепчетъ суевѣрно
Слова мучительныхъ страстей,
И вновь ты другомъ будешь ей,
Какъ былъ и мнѣ, мой перстень вѣрной.

ТРИ РОЗЫ.

Въ глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили намъ боги,
Эдема лучшіе цвѣты.
Одна подъ небомъ Кашемира
Цвѣтетъ близъ свѣтлаго ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянетъ,
И если кто цвѣтокъ сорветъ,
Лишь только утра лучъ проглянетъ,
Свѣжѣе роза разцвѣтетъ.

Еще прелестьѣе другая:
Она, румяною зарей
На раннемъ небѣ разцвѣтая,
Плѣняетъ яркой красотой.
Свѣжѣй отъ этой розы вѣтвь,
И веселѣй ее встрѣчать.
На мигъ одинъ она алѣетъ,
Но съ каждымъ днемъ цвѣтетъ опять.

Еще свѣжей отъ третьей вѣтвь,
Хотя она не въ небесахъ;
Ее для жаркихъ устъ лелѣетъ
Любовь на дѣвственныхъ щекахъ.

Но эта роза скоро вянетъ ;
Она пуглива и нѣжна ,
И тщетно утра лучъ проглянетъ :
Не разцвѣтетъ опять она .

—
ТРИ УЧАСТИ.
—

Три участи въ мирѣ завидны , друзья !
Счастливецъ , кто вѣка судьбой управляетъ ,
Въ душѣ неразгаданной думы тая .
Онъ сѣетъ для жатвы , но жатвъ не собираетъ :
Народовъ признанья ему не хвала ,
Народовъ проклятья ему не упреки .
Вѣкамъ завѣщаетъ онъ замысль глубокой :
По смерти безсмертнаго зрѣютъ дѣла .

*
Завиднѣй Поэта удѣлъ на земли .
Съ младенческихъ лѣтъ онъ сдружился съ при-
родой ,
И сердце Камены отъ хлада спасли ,
И умъ непокорный воспитанъ свободой ,
И лучъ вдохновенья зажегся въ очахъ .
Весь миръ облакаетъ онъ въ стройные звуки ;
Стѣснится ли сердце волненіемъ муки —
Онъ выплачетъ горе въ горючихъ стихахъ .

*

Но вѣрьте, о други! счастливѣй стократъ
Безпечный питомецъ забавы и лѣни.
Глубокія думы души не мутятъ,
Не знаетъ онъ слезъ и огня вдохновеній,
И день для него, какъ другой, пролетѣлъ,
И будущій снова онъ встрѣтитъ безпечно,
И сердце увянетъ безъ муки сердечной —
О рокъ! что ты не дашь мнѣ этотъ удѣлъ?

—
домовой.

Что ты, Параша, такъ блѣдна?
— «Родная! домовый проклятый
Меня звалъ нынче у окна.
Весь въ черномъ, какъ медвѣдь лохматый,
Съ усами, да какой большой!
Вѣкъ не видать тебѣ такого.»
— Перекрестися, Ангелъ мой!
Тебѣ ли видѣть домоваго?

Ты не спала, Параша, ночь.
— «Родная! страшно; неотходить
Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;
Стучитъ задвижкой, дышетъ, бродятъ,
Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ: отвори!»
— Ну чтоже ты? — «Да я ни слова.»

— Э, полно, Ангелъ мой, не ври ;
Тебѣ ли слышать домоваго ?

*

Параша ! ты не весела ;
Опять всю ночь ты прорадавала .
— « Нѣтъ, ничего : я ночь спала » .
— Какъ ночь спала ! ты тосковала ,
Ходила , отпирала дверь ;
Ты вѣрно испугалась снова ?
— « Нѣтъ, нѣтъ, родимая , повѣрь !
Я не видала домоваго » .

КЪ ПУШКИНУ.

—

Извѣстно мнѣ: доступенъ Геній
Для гласа искреннихъ сердець .
Къ тебѣ , возвышенный пѣвецъ ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣвнй .
Разсѣй на мигъ восторгъ святой ,
Раздумье творческаго духа ,
И снисходительнаго слуха
Младую Музу удостой .
Когда пророкъ свободы смѣлый ,
Тоской измученный Поэтъ ,
Покинулъ мнръ осиротѣлый ,
Оставя славы жаркій свѣтъ

И тѣнь всемірныя печали,
Хвалебнымъ громомъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань привнесъ увядшей силѣ,
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ.
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго Галла.
Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселья хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ:
Онъ нашъ, — жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ;
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.
Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній.
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонять насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,

И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голось твой.
И можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

ВЪ ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когдабъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайнный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,

Благоговѣйной тишиной.
Тогдабъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но тыбъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Тыбъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

—
УТѢШЕНИЕ.
—

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Какъ Промисей похитилъ онъ
Творящей лучъ, небесный пламень,
И вокругъ себя, какъ Пигмалюнъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Не многіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Повѣрь, не даромъ въ ней она;

Не теплится она бесплодно;
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила:
Нѣтъ! — что въ душевной глубинѣ,
Того не увесеть могила:
Оно останется по мнѣ.

Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не ропталъ;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ общалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «когда нибудь
«Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
«И слово сильное случайно
«Изъ груди вырвется твоей.
«Уронишь ты его не даромъ;
«Оно чужую грудь зажжетъ,
«Въ нее какъ искра упадетъ,
«А въ ней пробудится пожаромъ.»

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

О жизнь, коварная Сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
До въ кубкѣ счастья — лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости — все ложь.
Не мучь напраснымъ искушеньемъ.
Груди истерзанной моей
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ.
Тебѣ мои скупыя дани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердце поселить
Минутный огонь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость;
Но не отынешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасеть мой добрый геній,
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
На вѣкъ Поэзіи святой

И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.

ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ УРАНИ.

(ВЪ АЛЬБУМЪ).

Пять звѣздъ увѣнчали чело вдохновенной:
Поэзіи дивной звѣзда,
Звѣзда благодатная милой надежды,
Звѣзда беззакатной любви,
Звѣзда лучезарная искренней дружбы,
Что пятая будетъ звѣзда?
Да будетъ она, благотворные боги,
Душевнаго счастья здѣздой.

НА НОВЫЙ 1877 ГОДЪ.

Такъ снова годъ какъ тѣнь мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность
И быстрымъ бѣгомъ уврекнулъ
Мою лѣнивую бездечность.
О еслибъ онъ меня спросилъ:

«Гдѣ плодъ горячкѣ обѣщаній?
«Чѣмъ ты меня остановилъ?»
Я не нашелъ бы оправданій
Въ мечтахъ разсѣянныхъ мошкѣ.
Мнѣ нечѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглецъ жестокой!
Клянусь тебѣ въ прощальный мигъ:
Ты не умчался безъ возврата;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкій долгъ свой доплатчу.

КРЫЛЬЯ ЖИЗНИ.

—
На легкихъ крылышкахъ
Летаютъ ласточки;
Но легче крылышки
У жизни вѣтренной.
Не знаетъ въ юности
Она усталости
И радость рѣзвую
Беретъ доврчиво
Къ себѣ на крылія.
Летить, любитъся

Прекрасной ношею. . . .
Но скоро тягостна
Ей гостья милая,
Устали крылышки,
И радость рѣзвую
Она стрехаетъ съ нихъ.
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою,
И прихотливая
Печаль туманную
Беретъ на крылія
И вдаль пускается
Съ подругой новою.
Но крылья легкія
Все болѣ, болѣе
Подъ ношей клонятся,
И вскорѣ падаетъ
Съ нихъ гостья новая,
И жизнь усталая
Одна, безъ бремени,
Летитъ свободнѣе;
Лишь только въ крыліяхъ
Едва замѣтные
Отъ ношей брошенныхъ
Слѣды остались —
И отпечатались
На легкихъ перышкахъ
Два цвѣта блѣдные:
Не много свѣтлаго

Отъ рѣзвой радости,
Не много темнаго
Отъ гостя сумрачной.

ИТАЛІЯ.

Италія, отчизна вдохновенья!
Придетъ мой часъ, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья,
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ свѣ.
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь,
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ,
Подъ яхонтомъ сверкающихъ небесъ,
Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду цѣть зарю
И поздравлять Царя свѣтилъ съ восходомъ:
Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ.
Какъ весело въ немъ утро золотѣе
И сладостна серебряная ночь!
О мѣръ суетъ! тогда отъ мыслей прочь!
Въ объятяхъ нѣгъ и въ творческомъ покоѣ,
Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!

Тогда, о Тассъ, твой мирный сонъ нарушу,
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Пролетъ и живашъ и вѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и въ сѣверную душу.

Э Л Е Г И Я .

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Какъ я любилъ твои воспоминанья,
Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ
И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!
Ты упила съ свѣтъ воздухомъ чудеснымъ,
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.
Душа твоя такъ ясно разгорѣлась.
И новый огонь въ груди моей зажгла.
Но этотъ огонь томительный, мятежной,
Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной, —
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется намѣчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ.
И сердце вновь пробудится страданьемъ.

За чѣмъ, за чѣмъ такъ сладко цѣлуютъ?
За чѣмъ и я внимала тебѣ такъ жадно,
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?

—
КЪ МОЕЙ БОГИНѢ.
—

Не думы гордыя вздымаютъ
Страстей исполненную грудь,
Не волны Невскія мѣшаютъ
Душѣ усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль рѣки широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой,
И взоръ блуждаетъ по брегамъ,
Языкъ невнятное лепечетъ,
И тихо плещущимъ волнамъ
Слова прерывистыя мечетъ.
Тогда отъ мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная рѣка,
И Невскій берегъ величавый;
Тогда не робкая тоска
Безильнымъ сердцемъ обладаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ. . . .
Тебѣ понятенъ ропотъ сей,
О Божество души моей!

Холодно́й жизнию безстрастья,
Ты знаешь, мнѣ-ль дышать и жить?
Ты знаешь, мнѣ ль боготворить
Душой несозданной для счастья,
Толпы привычныя мечты,
И дани раболѣпной службы
Носить кумиру суеты?
Нѣтъ, нѣтъ! и теплые дни дружбы,
И дни горячіе любви
Къ другому сердце приучили:
Другой огонь они въ крови,
Другія чувства поселили.
Что счастье мнѣ? за чѣмъ оно?
Не тыль твердила, что судьбою
Оно лишь робкимъ здѣсь дано,
Что счастья съ пламенной душою
Не лзя въ семъ мірѣ сочетать,
Что для него мнѣ не дышать....

О будь благословенна мною!
Оно священо для меня
Твое пророчество несчастья,
И, какъ завѣтъ, его храня,
Съ какимъ восторгомъ сладострастья
Я жду губительнаго дня
И торжества судьбы коварной!
И еслибъ умъ неблагодарной
На небо возропталъ въ бѣдахъ;
Твоебъ явленье, Ангелъ милой,
Какъ даръ небесъ, остановило

Проклятье на моихъ устахъ.
Мою бы грудь исполнилъ снова
Благоговѣннiя святаго
Цѣлебный взглядъ твоихъ очей,
И снова бы въ душѣ моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презрѣнье,
И сладостная тишина.
Вотъ , вотъ что грудь мою вздымаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ !
Вотъ чѣмъ душа моя полна ,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный , одинокой.

XXXV.

Я чувствую, во мнѣ горить
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ парить...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья ?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ Океанъ безбрежной...
Найду ли я утесъ надежной,
Гдѣ твердой обопрусь ногой ?
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть

На переменчивыя волны,
Не зная, что любить, что пѣть?

Открой глаза на всю природу, —
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ, —
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣсню отвѣчай!
Когдажъ минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ: —
Смирится гордое желанье,
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья. —

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,

Уныло вечеръ воспрѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

ПОЭТЪ — ДРУГЪ.

Другъ.

Ты въ жизни только разцвѣтаешь,
И ясенъ мнѣ миръ передъ тобой, —
За чѣмъ же ты въ душѣ молодой
Мечту коварную питаешь?
Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?

Поэтъ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:

Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Другъ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой воснесся духомъ,
И сердца трепеть жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!
Тому, кто жребій довершилъ,

Потеря жизни не утрата —
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому — процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Другъ.

Мой другъ! за чѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ! дважды жизнь насъ не лелѣтъ.
Я то люблю, что сердце грѣтъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день;
А что за гробомъ, то не наше: —
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтренной мечты
Даютъ ему лице, черты,
И призракъ славой называютъ!

Поэтъ,

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сроднилась съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряли дни.

Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали —
Веселья мимолѣтнѣйшій звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали, —
Еще напомнить обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды не лживые прочтетъ; —
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвить слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
«Онъ дышетъ жаромъ красоты,
«Въ немъ умъ и сердце согласилсь,
«И мысли полныя носились
«На легкихъ крыліяхъ мечты.
«Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

Сбылись пророчества Пѣвца,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

мифическая
иногда мифическая тайна и радость
дети идутъ чрезъ туманъ;
и такъ мы живемъ намъ въ душу, выходя
иногда намъ радость, иногда
иногда вступило вступило вступило
иногда намъ всемъ судьбою;
иногда бакииеръ вступило

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выпреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ

И

АПОФЕОЗА ХУДОЖНИКА.

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ ХУДОЖНИКА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ восходомъ солнечнымъ.

ХУДОЖНИКЪ, за своимъ станкомъ.
Онъ только что поставилъ на него портретъ толстой, дурной собою кокетки.

(Дотронулся кистью и останавливается.)

Что за лице! совсѣмъ безъ выраженья!
Долой! нѣтъ болѣе терпѣнья.

(Снимаетъ портретъ).

Нѣтъ! я не отравлю сихъ сладостныхъ мгновений,

Пока вы нѣжитесь въ объятяхъ сна,
Предметы милые трудовъ и попеченій,
Малютки, добрая жена!

(Подходитъ къ окну.)

Какъ щедро льешь ты жизнь, прекрасная денница!

Какъ юно бьется грудь передъ тобой!

Какою сладкою слезой
Туманится моя зѣница!

(Ставитъ на станокъ картину, представляющую во весь ростъ Венеру Уранію).

Небесная! для сердца образъ твой
Какъ первая улыбка счастья.
Я чувствами, душой могу обнять тебя,
Какъ радостный женихъ, съ восторгомъ сладострастья.

Я твой создатель; ты моя;
Богиня! ты я самъ, ты болѣе чѣмъ я;
Я твой, владычица вселенной!
И я лишусь тебя! я за металлъ презрѣнной
Отдамъ тебя глупцу, чтобъ на его стѣнѣ
Служила ты болтливости надменной,
И не напомнила, быть можетъ, обо мнѣ!...

(Онъ смотритъ въ комнату, гдѣ спятъ его дѣти).

О дѣти!... Будь для нихъ богиней пропитанья!
Я понесу тебя къ сосѣду-богачу
И за тебя, предметъ очарованья,
На хлѣбъ малюткамъ получу....
Но онъ не будетъ обладать тобою.
Природы радость и душа!
Ты будешь здѣсь, ты будешь вѣкъ со мною,
Ты вся во мнѣ: тобой дыша,
Я счастливъ, я живу твоею красотой.

(Ребенокъ кричитъ въ комнату).

ХУДОЖНИКЪ.

О Боже!

ЖЕНА ХУДОЖНИКА (*просыпается*).

Разсвѣло. — Ты встань уже, другъ мой!
Сходижь скорѣе за водой,
Да разведи огонь, чтобъ воду вскипятить:
Пора ребенку супъ варить.

ХУДОЖНИКЪ.

*(останавливается еще на минуту пс-
гаетъ редъ своей картиной).*

Небесная!

СТАРШІЙ СЫНЪ ЕГО.

*(вскочилъ съ постели и босой подбп-
гаетъ къ нему).*

И я тебѣ, пожалуй, помогу.

ХУДОЖНИКЪ.

Кто? — ты!

СЫНЪ.

Да, я.

ХУДОЖНИКЪ.

Бѣгижь за щепками!

СЫНЪ.

Бѣгу.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ХУДОЖНИКЪ.

Кто тамъ стучится у дверей?

СЫНЪ.

Вчерашній господинъ съ женою.

ХУДОЖНИКЪ.

(ставитъ опять на станокъ отеративной портретъ).

Такъ за портретъ возьмуся поскорѣй.

ЖЕНА.

Пиши и деньги за тобою.

ГОСПОДИНЪ И ГОСПОЖА *(входятъ).*

ГОСПОДИНЪ.

Вотъ кстати мы!

ГОСПОЖА.

А я какъ дурно ночь спала!

ЖЕНА.

А какъ свѣжи! нельзя не подивиться.

ГОСПОДИНЪ.

Что это за картина близь угла?

художникъ.

Смотрите, какъ бы вамъ не запылиться.

(къ Госпожѣ).

Прошу, сударыня, садиться.

господинъ.

(смотритъ на портретъ).

Характеръ-то, характеръ-то не тотъ.

Портретъ хорошъ, конечно такъ,

Но все не лъзя сказать ни какъ,

Что это полотно живётъ.

художникъ *(про себя).*

Чего онъ ищетъ въ этой рожѣ?

Господинъ.

(беретъ картину изъ угла).

А! вотъ вашъ собственный портретъ

художникъ.

Онъ быль похожъ: ему ужъ десять лѣтъ.

господинъ.

Нѣтъ! можно и теперь узнать.

госпожа.

(будто бы взглянувъ на него).

Похоже.

господинъ.

Тогда вы были помоложе.

ЖЕНА.

*(подходит съ корзиной на руку
и говоритъ тихонько мужу).*

Иду на рынокъ я: дай рубль.

ХУДОЖНИКЪ.

Да нѣтъ его.

ЖЕНА.

Безъ денегъ, милый другъ, не купишь ничего.

ХУДОЖНИКЪ.

Пошла!

ГОСПОДИНЪ.

Но ваша кисть теперь смѣлѣй,

ХУДОЖНИКЪ.

Пишу, какъ пишется: что лучше, что похуже.

ГОСПОДИНЪ.

(подходитъ къ станку).

Вотъ bravo! ноздри-то поуже,

Да взглядъ пожалуста живѣй!

ХУДОЖНИКЪ *(про себя).*

О Боже мой! что за мученье!

МУЗА.

(невидимая для другихъ, подходитъ къ нему).

Уже, мой сынъ, теряешь ты терпѣнье?

Но участь смертныхъ всѣхъ равна.

Ты говоришь: *она* дурна!

За то платить она должна.

Пусть этотъ сумазбродъ болтаетъ —

Тебя живой восторгъ, художникъ! награждаетъ.

Твой даръ некупленный, источникъ красоты —

Онъ счастье твое, имъ утѣшайся ты.

Повѣрь: лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ
наслажденьемъ,

Кто приобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ,

И небо безъ земли наскучилобъ богамъ.

За чѣмъ же ты взываешь къ небесамъ?

Тебѣ любовь вѣрна, твой сонъ всегда пріятенъ,

И честию ты богатъ, хотя ты и не знатенъ.

АПОФЕОЗА ХУДОЖНИКА.

—

Театръ представляетъ великолѣпную картинную галлерею. Картины всѣхъ школъ висятъ въ широкихъ золотыхъ рамахъ. Много любопытныхъ посѣтителей. Они ходятъ взадъ и впередъ. На одной сторонѣ сидитъ ученикъ и списываетъ картину.

—

УЧЕНИКЪ.

(встаетъ, кладетъ на стулъ палитру и кисти, а самъ становится позади стула).

По цѣлымъ днямъ я здѣсь сижу!
Я весь горю, я весь дрожу.
Пишу, мараю, такъ что самъ
Не вѣрю собственнымъ глазамъ.
Всѣ правила припоминалъ,^а
Все вымѣрять, все расчитать,
И жадно взоръ гонялся мой
За каждой краской и чертой.
То вдругъ кидаю кисть свою;
Какъ полубѣшенный встаю
Въ поту, усталый отъ труда,

Гляжу туда, гляжу сюда,
Съ картины не спускаю глазъ,
Стою за стуломъ битый часъ—
И чтоже? дѣл бѣды моей
Никакъ я копїи своей
Не превращу въ оригиналь.
Тамъ жизнь холсту художникъ далъ,
Свободой дышетъ кисть его, —
Здѣсь все и сухо и мертво.
Тамъ страстью все оживлено —
Здѣсь принужденіе одно;
Что тамъ горитъ, прозрачнѣй дня,
То вяло, грязно у меня.—
Я вижу, даромъ я тружусь
И съ жаромъ вновь за кисть берусь!
Но что ужаснѣе всего,
Что верхъ мученья моего:
Ошибки ясны мнѣ какъ свѣтъ,
А ихъ поправить силы нѣтъ.

МАСТЕРЪ (*подходитъ*).

Мой другъ! за это похваляю:
Твое старанье я люблю.
Не даромъ я твержу всегда,
Что нѣтъ успѣха безъ труда.
Трудись! запомни мой урокъ —
Ты самъ увидишь въ этомъ прокъ.
Я это знаю по себѣ:
Что нынѣ кажется тебѣ
Непостижимо, высоко,

Соч. Веневитинова.

То нечувствительно, легко
Рождаться будетъ подъ рукой,
И наконецъ, любезный мой,
Искусство, весь науки плодъ,
Тебѣ въ пять пальцевъ перейдѣтъ.

УЧЕНИКЪ.

Увы! какъ много здѣсь дурнаго,
А объ ошибкахъ вы ни слова.

МАСТЕРЪ.

Кому же все дается вдругъ?
Я вижу съ радостью, мой другъ,
Что съ каждымъ днемъ твой даръ растетъ.
Ты самъ собой пойдешь впередъ.
Кой-что со временемъ поправимъ,
Но это мы теперь оставимъ.

(Уходитъ).

УЧЕНИКЪ

(смотря на картину).

Нѣтъ, нѣтъ покоя для меня,
Пока не все постигнулъ я!

ЛЮБИТЕЛЬ.

(подходитъ къ нему).

Мнѣ жалко видѣть, сударь мой,
Что вы такъ трудитесь напрасно,
Идете темною тропой
И позабыли путь прямой:

Натура—вотъ источникъ ясный,
Откуда черпать вы должны.
Въ ней тайны всѣ обнажены:
И жизнь тѣлесъ, и жизньъ духовъ.
Натура школа мастеровъ.
Примитежъ искренній совѣтъ:
Зачѣмъ топтать избитый слѣдъ?—
Чтобъ быть копистомъ наконецъ?
Натура вотъ вамъ образецъ!
Одна натура, сударь мой,
Наставитъ васъ на путь прямой.

У Ч Е Н И К Ъ .

Все это часто слышалъ я,
Все испытала кисть моя.
Я за природою гонялся,
Случайно успѣвалъ кой въ чемъ,
Но большей частью возвращался .
Съ укоромъ, мукой и стыдомъ.
Нѣтъ! это трудъ несовершенный!
Природа книга не по насъ:
Ея листы не обозримы,
И мѣлокъ шрифтъ для нашихъ глазъ.

Л Ю Б И Т Е Л Ъ .

(отворачивается).

Теперь я вижу, въ чемъ секретъ:
Въ немъ генія ни мало нѣтъ.

У Ч Е Н И К Ъ .

(опять садится).

Совѣмъ не то! хочу опять
Картину всю перемарать.

ДРУГОЙ МАСТЕРЪ.

(подходитъ къ нему, смотритъ на работу и отворачивается, не сказавъ ни слова).

УЧЕНИКЪ.

Нѣтъ! вы не съ тѣмъ пришли, чтобъ молча за-
глянуть.

Я васъ прошу, скажите что нибудь.
Вы можете одни понять мои мученья.
Хотя мой трудъ не стоитъ словъ,
Но трудолюбіе достойно снисхожденья;
Я вѣрить вамъ во всемъ готовъ.

МАСТЕРЪ.

Я, признаюсь, гляжу на всѣ твои страданья
И съ чувствомъ радости и съ чувствомъ состра-
данья.

Я вижу: ты, любезный мой,
Природой созданъ для искусства;
Тебѣ открыты тайны чувства;
Ты ловишь взоромъ и душой
Въ прекрасномъ мірѣ впечатлѣнья;
Ты бы хотѣлъ обнять въ немъ красоту
И кистью приковать къ холсту
Его минутныя явленья;
Ты прилежаніемъ талантъ возвысилъ свой
И быстро ловкою рукой

За мыслью слѣдовать умѣешь:
Во многомъ ты успѣлъ и болѣе успѣешь —
Но

У Ч Е Н И К Ъ .

Не скрываете ничего.

М А С Т Е Р Ъ .

Ты упражнялъ и глазъ и руку,
Но ты не упражнялъ разсудка своего.
Чтобъ быть художникомъ, обдумывай науку!
Безъ мыслей геній не творить,
И самый рѣдкій умъ съ однимъ природнымъ
чувствомъ

къ высокому едва ли воспарить.
Искусство навсегда останется искусствомъ;
Здѣсь ощупью не лѣзя идти впередъ,
И только знаніе къ успѣху приведетъ.

У Ч Е Н И К Ъ .

Я знаю, къ красотамъ природы и картинъ
Не трудно приучить и глазъ и руку:
Не то съ наукою; ученый лишь одинъ
Намъ можетъ передать науку.
Кто можетъ знаніемъ полезенъ быть другимъ.
Не долженъ бы одинъ имъ наслаждаться.
За чѣмъ же вамъ отъ всѣхъ скрываться
И съ многими не подѣлиться имъ?

М А С Т Е Р Ъ .

Нѣтъ! въ наши времена всѣ любятъ путь широ-
кій,

Не трудную стезю, не строгіе уроки.
Я завсегда одно и тожь пою,
Но всякой ли полюбить пѣснь мою?

У Ч Е Н И К Ъ .

Скажите только мнѣ, ошибся ли я въ томъ,
Что передъ прочими я выбралъ образцомъ
Сего художника?

(Указывая на картину, которую списываетъ).

Что весь живу я въ немъ?
Что я люблю его, люблю, какъ бы живаго,
Надъ нимъ всегда тружусь и не хочу другаго.

М А С Т Е Р Ъ .

Его чудесный даръ и молодость твоя—
Вотъ что твой выборъ извиняетъ.
Всегда охотно вижу я,
Какъ смѣлый юноша свободно разсуждаетъ,
Безъ мѣры хвалить, порицаетъ.
Твой идеаль, твой образецъ —
Великій умъ, разнообразный геній:
Учися красотамъ его произведеній,
Трудись надъ ними— наконецъ
Познай ошибки, и умѣй
Любить въ твореніяхъ искусство, не людей.

У Ч Е Н И К Ъ .

Его картинами давно ужъ я плѣнился.
Повѣрьте, не проходитъ дня,
Чтобъ я надъ ними не трудился,
И съ каждымъ днемъ онѣ все новы для меня.

М А С Т Е Р Ъ.

Ты разсмотри съ разсудкомъ, безпристрастно,
И чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ хотѣлъ онъ быть;
Люби его, но самъ учись его судить.
Тогда твой трудъ не будетъ трудъ напрасной:
Обнявъ науку красоты,
Не все предъ нимъ забудешь ты.
Для добродѣтели тѣлесной груди мало;
Ужиться ей не лзя въ душѣ одной:
Съ искусствомъ точно тожь, и никогда, другъ
мой,

Одна душа его не поглощала.

У Ч Е Н И К Ъ.

Такъ я былъ слѣпъ до этихъ поръ.

М А С Т Е Р Ъ.

Теперь оставимъ разговоръ.

С М О Т Р И Т Е Л Ъ Г А Л Л Е Р Е И.

(Подходитъ къ нимъ).

Какой счастливый день для насъ!
Картину къ намъ внесутъ тотчасъ —
Давно на свѣтѣ я живу,
Но ни во снѣ, ни на яву
Другой подобной не видалъ.

М А С Т Е Р Ъ.

А чья?

У Ч Е Н И К Ъ.

Его же?

(Указываетъ на картину, съ которой списывалъ).

СМОТРИТЕЛЬ.

Угадалъ.

УЧЕНИКЪ.

Я угадалъ! мнѣ это
Шепнула тайная любовь.
Какой восторгъ волнуетъ кровь!
Какимъ огнемъ душа согрѣта!
Куда бѣжать мнѣ къ ней? куда?

СМОТРИТЕЛЬ.

Ее сей часъ внесутъ сюда.
Не лъзя взглянуть не подивясь:
За то не дешево купилъ ее нашъ Князь.

ПРОДАВЕЦЪ *(входитъ)*.

Ну, Господа! теперь я смѣю
Поздравить вашу галерею.
Теперь узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Какъ Князь искусства ободряетъ:
Онъ вамъ картину покупаетъ,
Какой ни гдѣ, ручаюсь, нѣтъ.
Ее несутъ ужъ въ галерею
Мнѣ право жаль разстаться съ нею.
Я не обманываю васъ —
Цѣна конечно дорогая,
Но рѣдкость, господа, такая
Дороже стоитъ во сто разъ.

*(Тутъ вносятъ изображение Венеры
Ураніи и ставятъ на станокъ).*

Теперь взгляните: вотъ она!
Безъ рамки, вся запылена.
Я продаю, какъ получилъ,
И даже лакомъ не покрывъ.

(Всѣ собираются передъ картиной).

ПЕРВЫЙ МАСТЕРЪ.

Какое мастерство во всемъ!

ВТОРЫЙ МАСТЕРЪ.

Вотъ зрѣлый умъ! какой объемъ!

УЧЕНИКЪ.

Какою силою чудесной.
Бунтуетъ страсть въ груди моей!

ЛЮБИТЕЛЬ.

Какъ естественно! какъ небесно!

ПРОДАВЕЦЪ.

Я словомъ всѣмъ плѣнился въ ней,
И самой мыслью и работой.

СМОТРИТЕЛЬ.

Вотъ къ ней и рама съ позолотой!
— Скорѣй — Князь скоро будетъ самъ —
Вбивайте гвозди по угламъ.

(Картину вставляютъ въ раму и вѣшаютъ).

КНЯЗЬ.

(Входитъ въ залу и разсматриваетъ картину).
Картина точно превосходна,
И не торгуюсь я въ цѣнѣ.

КАЗНАЧЕЙ.

(Кладетъ кошелекъ съ червонцами на столъ и вздыхаетъ).

ПРОДАВЕЦЪ.

Нельзя ли взвѣсить ?

КАЗНАЧЕЙ *(считая деньги).*

Какъ угодно,
Но лишній трудъ, повѣрьте мнѣ.

(Князь стоитъ передъ картиною. Прочіе въ нѣкоторомъ отдаленіи. Потолокъ открывається. Муза, держа художника за руку, является на облакъ.)

ХУДОЖНИКЪ.

Куда летимъ ? въ какой далекій край ?

МУЗА.

Взгляни, мой другъ, и самъ себя узнай !
Упейся счастьемъ въ полной мѣрѣ.

ХУДОЖНИКЪ.

Мнѣ душно здѣсь, въ тяжелой атмосферѣ.

МУЗА.

Твое созданье предъ тобой !
Оно всѣ прочія затмило красотой
И здѣсь какъ Сиріусъ межъ ясными звѣздами
Блеститъ безсмертными лучами.

Взгляни, мой другъ! Сей плодъ свободы и тру-
довъ —
Онъ твой! онъ плодъ твоихъ счастливейшихъ
часовъ.

Твоя душа въ себѣ его носила
Въ минуты тихихъ, чистыхъ думъ:
Его зачалъ твой зрѣлый умъ,
А трудолюбіе спокойно довершило.
Взгляни, ученый передъ нимъ
Стоитъ и скромно наблюдаетъ.
Здѣсь покровитель Музъ твой даръ благослов-
ляетъ,

Онъ восхищенъ твореніемъ твоимъ.
А этотъ юноша! взгляни, какъ онъ пылаетъ!
Какая страсть въ душѣ его молодой!
Прочти въ очахъ его желанье,
Вполнѣ испить твое вліянье
И жажду утолить тобой!
Такъ человѣкъ съ возвышенной душой
Преходитъ въ поздніе вѣка и поколѣнья.
Ему не лъзя свое предназначенье
Въ предѣлахъ жизни совершить:
Онъ доживаетъ за могилой
И мертвый дышетъ прежней силой.
Свершивъ конечный свой удѣлъ,
Онъ въ жизни словъ своихъ и дѣлъ
Путь начинаетъ безконечной!
Такъ будешь жить и ты въ безсмертьѣ, въ сла-
вѣ вѣчной!

ХУДОЖНИКЪ.

Я чувствую все что мнѣ далъ Зевесъ :
И радость жизни быстротечной,
И радость вѣчную обители небесъ.
Но онъ проститъ мнѣ ропотъ мой печальной.
Спроси любовника: стастливъ ли онъ,
Когда онъ съ милою подругой разлучёнъ,
Когда она въ странѣ тоскуетъ дальной ?
Скажи, что онъ лишился не всего,
Что тотъ же свѣтъ ихъ озаряетъ,
Что то же солнце согрѣваетъ —
И эта мысль утѣшитъ ли его ?
Пусть славятъ всѣ мои творенья !
Но въ жизни славу зналъ ли я ?
Скажи, небесная моя,
Что мнѣ теперь за утѣшенье,
Что златомъ платятъ за меня ?
О, еслибъ иногда имѣлъ я самъ
Такъ много золота, какъ тамъ,
Вокругъ картинъ моихъ, блестятъ для украшенья!
Когда я въ бѣдности съ семействомъ хлѣбъ дѣ-
лилъ,

Я счастливъ, я доволенъ былъ
И не имѣлъ другаго наслажденья.
Увы! судьба мнѣ не дала
Ни друга, чтобъ дѣлить съ нимъ чувства,
Ни покровителя искусства.
До дна я выпилъ чашу зла.
Лишь ирѣздка хвалы невѣжды

Гремѣли мнѣ въ глуши монастырей.
Такъ я трудился безъ судей
И міръ покинулъ безъ надежды.

(Указывая на ученика).

О, если ты для юноши сего
Во мзду заслугъ готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга неземная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.
Пока уста дрожатъ еще лобзаньемъ,
Пока душа волнуется желаньемъ,
До вкусить онъ вполнѣ твою любовь!
Вѣнокъ ему на небѣ уготовь,
Но здѣсь подай сосудъ очарованья,
Безъ яда слезъ, безъ примѣси страданья!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФАУСТА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФАУСТА.

I

ФАУСТЪ И ВАГНЕРЪ.

(За городомъ).

—

ФАУСТЪ.

Блаженъ, кто не отвергъ надежды
Раздрать покровъ душевной тьмы!
Но нѣтъ! печальными рѣчами
Не отравляй даровъ небесъ.
Смотри, какъ кровли межъ деревьевъ
Горятъ вечерними лучами. . . .
Свѣтило къ западу течетъ,
И новый день мы схоронили —
Къ другимъ странамъ оно придетъ
И тамъ жизнь новую прольетъ.
Что нѣтъ у насъ могучихъ крылій?
За нимъ, за нимъ помчалсябъ я;
Зареюбъ вѣчною блистали
Передо мной земли края,
Холмы въ пожарѣ бы пымали,

Дремали доли въ мирномъ снѣ,
И волны золотомъ играли,
Переливаясь въ огнѣ.
Тогда, утесы и вершины!
Вы мнѣ бы не были предѣлъ:
Богopodobный, ябъ летѣлъ
Черезъ эфирныя равнины,
И скоробъ зрѣлъ смущенный взглядъ,
Какъ моря жаркія пучины
Въ заливахъ зеркаломъ лежать. . . .
Но солнце къ западу скатилось,—
И вновь желанье пробудилось,
И я стремлю ему во слѣдъ,
Межъ ноцію и днемъ, межъ небомъ и морями,
Неутомимый свой полетъ
И упиваюся безсмертными лучами.

Мой другъ! прекрасны эти сны,
А солнце скрылось за горою:
Увы! летаемъ мы мечтою,
Но крылья тѣлу не даны.
И у кого душа въ груди не бьется
И, жадная, не рвется отъ земли,
Когда надъ нимъ, невидимый, вдали
Веселый жаворонокъ вьется
И тонетъ въ зыбяхъ голубыхъ,
По вѣтру пѣсни разсыпая!
Когда парить орелъ надъ высю скалъ крутыхъ,
Широкія вѣтрила разстилая,
И черезъ степь, чрезъ бездны водъ

Станица журавлей на родину пьывётъ
Къ веснѣ полуденнаго края!

ВАГНЕРЪ.

Признаться, и во мнѣ подъ часъ
Затѣйливо шалитъ воображенье:
Но непонятно мнѣ твое стремленье.
На поле, на лѣса насмотришься какъ разъ;
Мнѣ не завидны крылья птицы,
И толь веселье для души —
Перелетать листы, страницы
Зимой, въ полувочной тиши!
Тогда и ночь какъ будто бы свѣтлѣе,
По жиламъ жизнь бѣжитъ теплѣе —
Не даромъ иногда пороешься въ пыли,
И право отрывать случалось
Такой столбецъ, что самъ ты на земли,
А будто небо открывалось.

ФАУСТЪ.

Мой другъ! изъ сильныхъ двухъ страстей
Одна лишь властвуетъ тобою:
О, не знакомься ты съ другою!
Но двѣ души живутъ въ груди моей,
Всегда вражду межъ собою.
Одна обнявши прахъ земной,
Сковалась съ нимъ любовію земною;
Другая прочь отъ персти хладной
Летитъ въ эфиръ къ обителю родной. —
Когда межъ небомъ и землёю

Витаешь ты, веселый рой духовъ,
Изъ нѣдра тучъ, изъ радужныхъ паровъ,
Спустись ко мнѣ! за жизнью молодою
Неси меня къ другой странѣ!
О, дайте плащъ волшебный мнѣ!
Когдабъ меня къ другому міру
Онъ дивной силою помчалъ:
Я бы его не промѣнялъ
На блескъ вѣнца, на царскую порфиру.

ВАГНЕРЪ.

Не призывай извѣданныхъ враговъ:
Ихъ сонмъ въ изгибахъ облаковъ
Вездѣ разлился по вселенной
И смертному въ враждѣ неутомленной
Бѣду несетъ со всѣхъ сторонъ.
Подуетъ съ Сѣвера — и острыми зубами
Какъ иглами тебя пронзаетъ онъ;
Съ Востока налетитъ — и подъ его крылами
Изсохнетъ жизнь въ груди твоей.
То съ Юга, съ пламенныхъ степей,
Онъ зной и огонь скопляетъ надъ тобою,
То съ Запада мгновенно освѣжитъ
И варугъ губительной волною
Поля, луга опустошитъ.
Онъ внемлетъ намъ, но оболъститель жадной,
Покорствуя, онъ манитъ насъ къ бѣдамъ,
И словно Ангелъ, такъ отрадно
Онъ ложь нашептываетъ намъ.

ПѢСНЬ МАРГАРИТЫ.

II.

Прости, мой покой !
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости !

*

Гдѣ нѣтъ его,
Тамъ все мертво !
Мнѣ день не милъ
И міръ постылъ.

*

Обѣдная дѣвица !
Что сбылось съ тобой ?
Обѣдная дѣвица !
Гдѣ разумокъ твой ?

*

Прости, мой покой !
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости !

*

Въ окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Изъ дома ль иду я —
За нимъ я иду.

*

Высокъ онъ и ловокъ;
Величественъ взглядъ;
Какая улыбка!
Какъ очи горять!

*

И рѣчь, какъ звонъ
Волшебныхъ струй!
И жаръ руки!
И что за поцѣлуй!

*

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

*

Все тянетъ меня,
Все тянетъ къ нему.
И душно и грустно.
Ахъ, что не могу.

*

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, съ устъ его
Еще лобзанья рвать!

III.

МОНОЛОГЪ ФАУСТА.

(*Ночь. Пещера.*)

Всевышній духъ! ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
 Не даромъ зрѣлся мнѣ
 Твой ликъ, сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
 Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденья.
 Иной едва скользитъ по ней
 Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
 Какъ въ сердце друга, заглянуть.
 Ты протянулъ передо мною
 Созданій цѣпь — я узнаю
Въ водахъ, въ лѣсахъ, подъ твердью голубою
Одну благую мать, одну ея семью.
 Когда завоетъ вѣтръ въ дубравѣ тѣмной
И лѣсъ качается, и рухнетъ дубъ огромной,
И ели ближнія ломаются, трещатъ,
 И стукъ, и грохотъ заунывный
 Въ долинѣ будить гулъ отзывный:
 Ты путь въ пещеру кажешь мнѣ,
 И тамъ, среди уединенья,
Я вижу новый міръ, и новыя явленья,
 И созерцаю въ тишинѣ

Души чудесныя, но тайныя видѣнья.
Когда же вѣтры замолчатъ
И тихо на поляхъ ээира
Всплыветъ луна, какъ свѣтлый вѣстникъ мира,
Тогда подьѣмлется передо мной
Вѣковъ туманная завѣса,
И съ грозныхъ скалъ, изъ дремящаго лѣса
Встаютъ блестящею толпой
Минувшаго серебряныя тѣни
И свѣтятъ въ сумракѣ суровыхъ размышленій.
Но ахъ! теперь я испыталъ,
Что нѣтъ для смертныхъ совершенства!
Напрасно я, въ мечтахъ душевнаго блаженства,
Себя съ безсмертными равнялъ!
Ты къ страшному врагу меня здѣсь приковалъ:
Какъ тѣнь моя, спутникъ неотлучный,
Холодной злобою, насмѣшкою докучной
Онъ отравилъ дары небесъ.
Дыханье словъ его сильнѣй твоихъ чудесъ!
Онъ въ прахъ меня низринулъ предо мною,
Разрушилъ въ мигъ мѣръ созданный тобою,
Въ груди моей зажегъ онъ пламень роковой,
Вдохнулъ любовь къ несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
Въ желаньи къ счастью и въ счастья къ желанью.

ПРОЗА.

Соч. Веневитинова.

10

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПРОЗѢ ВЕНЕВИТИНОВА.

Нѣкоторыя обстоятельства замедлили печатаніе сей второй части сочиненій Д. В. Веневитинова, состоящей изъ оригинальныхъ и переводныхъ его упражненій въ прозѣ. Статьи сіи бѣльшею частію отрывочны: нѣкоторыя изъ нихъ даже не были писаны авторомъ для печати; но не смотря на то мы не усомнились ихъ помѣстить въ семъ собраніи: ибо онѣ бѣльше ознакомятъ публику съ родомъ занятій сего юнаго писателя, съ его мнѣніями, зрѣлостію его сужденій и съ его душою пламенною, благородною. Впрочемъ мы здѣсь не будемъ распространяться о нравственныхъ достоинствахъ покойнаго Веневитинова. Какъ священ-

ный кладъ сохраняемъ мы память сего незабвеннаго друга и предоставляемъ читателямъ судить объ его произведеніяхъ.

Съ цѣлю вышеобъясненною неизключили мы изъ сего собранія двухъ критикъ, писанныхъ авторомъ еще въ 1825 году и бывшихъ первыми его печатанными сочиненіями. Въ нихъ находятся нѣкоторые намеки на новый въ то время образъ сужденія, на систему мышленія, коея начала отчасти уже съ болѣею ясностію и отчетливостію развиты въ письмѣ Графинѣ N. N. *о Философіи*. Авторъ, согласившись на просьбу одного пріятели, хотѣлъ такимъ образомъ предложить въ письмахъ цѣлую систему, цѣлый курсъ философіи. — Онъ не успѣлъ довершить своего предпріятія, а нѣсколько отрывковъ о семъ же предметѣ затеряны. Но точка зрѣнія его уже была опредѣлена, и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ откровенныхъ бесѣдахъ съ друзьями онъ слѣдовалъ всегда одной постоянной нити сужденія.

Прочія статьи, здѣсь помѣщенныя, были болѣею частію читаны авторомъ въ кругу друзей и собесѣдниковъ и долженствовали

войти въ составъ журнала, коего планъ, какъ читатели здѣсь увидятъ, былъ предназначанъ Д. Веневитиновымъ. Разборъ одной сцены изъ Бориса Годунова, писанный на Французскомъ языкѣ, еще въ то время когда она появилась въ Московскомъ Вѣстникѣ въ 1827 году, былъ опредѣленъ сочинителемъ для помѣщенія въ Journal de St.-Petersbourg; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ статья сія не была тогда напечатана.

Отрывокъ подъ заглавіемъ: *Три эпохи любви*, принадлежалъ къ неоконченному роману, коего нѣкоторыя главы отчасти набросаны; но здѣсь не помѣщены, потому что, въ связи съ цѣлымъ, онѣ теряютъ свое достоинство и показались бы неумѣстными. Въ замѣну мы по возможности сообщимъ изъ сего романа то, что авторъ намъ изустно передалъ объ его планѣ никогда ненаписанномъ, но коего общія черты были опредѣлены въ его умѣ: ибо романъ сей былъ главнымъ предметомъ мыслей Д. Веневитинова въ послѣдніе мѣсяцы его кратковременной жизни.

Владиміръ Паренскій, единственный сынъ богатаго Пана Польскаго, извѣстнаго голо-

сомъ своимъ на Сеймахъ, былъ порученъ отцемъ, передъ его смертію, подъ опеку и на воспитаніе старому его другу, доктору Фриденгейму, который жилъ вблизи одного изъ знаменитѣйшихъ Университетовъ Германіи и содѣлался въ послѣдствіи начальникомъ Медицинской Академіи. Въ домѣ опекуна своего провелъ Владиміръ счастливые года младости. Часы ребяческаго досуга раздѣлялъ онъ съ дочерью своего воспитателя, Бентою, и съ раннихъ лѣтъ зачалась между ними младенцами тѣсная, неразрывная дружба, заронилось неясное предчувствіе страсти болѣе пламенной, болѣе гибельной. Настало для Паренскаго время посѣщенія публичныхъ курсовъ въ Университетѣ. Вскорѣ удивилъ онъ своихъ наставниковъ успѣхами неожиданными. Съ равною легкостію и жаромъ слѣдовалъ онъ за различными отраслями наукъ, и, хотя не принадлежалъ къ Медицинскому отдѣленію, но по собственному желанію не пропускалъ ни одной изъ Анатомическихъ лекцій своего наставника и получилъ со временемъ весьма основательныя понятія о сей наукѣ. Онъ любилъ погружаться въ глубокія размышленія

о началъ жизни въ человѣческомъ тѣлѣ. Онъ удивлялся стройности, расположенію, безконечности частей его составляющихъ. Онъ старался разгадать этотъ малый міръ, вникнуть въ сокровенное, узнать тѣсную, но тайную связь души и тѣла. Мысли его стремились далѣе и далѣе. — Въ немъ родились сомнѣнія. — Съ тайною радостію, можетъ быть съ тайною надеждою взирала Бента на быстрые успѣхи Паренскаго, на первенство, которое онъ возымѣлъ надъ товарищами, на удивленіе и любовь его наставниковъ, на это видимое предназначеніе въ немъ чловѣка необыкновеннаго, выпренвяго. — Она не понимала какъ дорого онъ искупилъ сіи преимущества!

Пробывши нѣсколько лѣтъ въ Университетѣ, Паренскій вздумалъ путешествовать. Гонимый сомнѣніями, тревожимый мучительною жаждою познанія, онъ надѣялся что жизнь дѣятельная, другое направленіе душевныхъ способностей, разсѣять въ немъ неукротимые порывы мечты; что успѣхи свѣтскіе, честолюбіе, слава, плѣняющая людей; вознаграждать его нравственныя мученія и даруютъ

ему успокоеніе, блаженство. Со вниманіемъ и любопытствомъ проѣхалъ онъ многія страны, и наконецъ прибылъ въ Россію, гдѣ его связи и дарованія вскорѣ доставили ему значительное и блестящее мѣсто по службѣ. Здѣсь познакомился онъ съ одною молодою дѣвушкою, которая уже была сговорена за другаго. Паренскій почувствовалъ къ ней тайное влеченіе. Не стараясь побѣдить сего чувства, онъ сталъ часто посѣщать ея домъ, но вскорѣ замѣтилъ что, не смотря на ласковое съ нимъ обхожденіе, та искренняя дружба, которую ему оказывали, не отвѣчала его усилившейся пламенной любви. Гордость его была обижена. Въ немъ родилась ревность. Предавшись съ отчаяніемъ сему пагубному чувству, онъ дерзнулъ на злодѣяніе. Онъ болѣе сблизился съ своимъ соперникомъ, бывшемъ товарищемъ его въ Университетѣ, не смѣя очернить его предъ своею возлюбленною. Въ притворной дружбѣ съ нимъ онъ подарилъ ему образъ, въ которомъ сокрытъ былъ ядъ и чрезъ нѣсколько времени избавился отъ него. Онъ надѣялся что отчаяніе молодой дѣвушки укротится, что участіе которое онъ по видимому

принималъ въ ея положеніи, мнимая скорбь объ умершемъ другѣ, наконецъ самая дружба съ нимъ и собственные преимущества предъ нимъ мало-по-малу вытѣснять его память изъ ея сердца, и что она невольно предается въ раставленные имъ сѣти. Но здоровье ея примѣтно стало слабѣть, сильный недугъ обуялъ её, и Владиміръ, однажды поутру войдя въ ея домъ, видитъ ея холодный трупъ, лежащій на столѣ среди комнаты. Съ отчаяньемъ узваеъ онъ образъ на ея груди. — Что это? вскрикиваетъ онъ. — Ему отвѣчаютъ, что этотъ образъ былъ снятъ передъ смертію покойнымъ ея женихомъ съ собственной его груди, и ей завѣщанъ съ тѣмъ, чтобы она его всегда носила на себѣ въ знакъ памяти. Для Паренскаго все открыто. Онъ самъ убійца своей возлюбленной! — Онъ спѣшитъ оставить край, гдѣ двѣ грозныя тѣни всюду за нимъ влачатся.

Снова объѣзжаетъ онъ многія страны, но нигдѣ не встрѣчаетъ успокоенія души, укрощенія совѣсти. Разочарованный, онъ въ Германіи опять хочетъ пріняться за любимую свою науку, Анатомію. Въ первый разъ какъ

онъ послѣ многихъ лѣтъ входитъ въ анатомическую залу, она еще была пуста, слушатели не собирались, профессоръ еще не приходилъ. На столѣ лежало покрытое тѣло, приготовленное для лекціи. Паренскій безъ цѣли, въ раздумья, подходитъ ко столу, и разсѣянно поднимаетъ покрывало. Предъ нимъ трупъ прекрасной женщины и возлѣ нея лежатъ инструменты для вскрытія тѣла. Съ судорожнымъ движеніемъ онъ отворачивается. — Это зрѣлище взволновало въ немъ воспоминанія, сожалѣніе, страхъ, совѣсть. Въ огромной залѣ онъ одинъ предъ обнаженнымъ, мертвымъ тѣломъ. — Для него и все въ мірѣ мертво. Онъ клянется никогда не возвращаться въ сіе мѣсто.

Онъ пріѣзжаетъ въ домъ доктора Фриденгейма, гдѣ все ему знакомо, и ничто не можетъ возбудить прежнихъ чувствъ. Бента не понимаетъ его перемѣны. Онъ бѣжитъ отъ людей, онъ страшится и ея бесѣды. Однажды вечеромъ проходитъ онъ безъ цѣли, по обыкновенію своему, по дорожкамъ сада, и, отягченный думами, усталый бросается на скамью. Все тихо, одна луна плыветъ на небосклонѣ, и изрѣдка звѣзды мелькаютъ въ синевѣ. —

Владиміръ чувствуетъ что кто-то сзади подходитъ къ нему; онъ оборачивается и узнаетъ Бенту. Она тихо слѣдовала за нимъ по тропинкамъ, собираясь уже давно извѣдать отъ него причины его мрачности и равнодушія къ ней. — Съ робостію, въ первый разъ произноситъ она слово любви, и пламенные уста Паренскаго горятъ на груди дочери его благодѣтеля. Отъ сей минуты утратилось невинное счастье Бенты! Владиміръ, ея демонъ соблазнитель, оторвалъ отъ сердца ея покой, и вскорѣ стыдъ и скорбь низводятъ ее въ могилу.

Такимъ образомъ влекомый отъ преступленія къ преступленію, мучимый прежнею совѣстію, новыми страстями, Владиміръ Паренскій, одаренный отъ природы качествами необыкновенными, проводитъ молодые свои года. — Чтожь стало съ нимъ въ послѣдствіи? Со временемъ всѣ страсти въ немъ перегорѣли, душевныя силы истощались; всѣ дѣйствія его были безъ намѣренія; онъ содѣлался человѣкомъ обыкновеннымъ; люди простые почитали его даже добродѣтельнымъ, потому что онъ не творилъ зла. — Но онъ живой, уже

былъ убитъ, и ницѣмъ не могъ наполнить пустоту души.

Романъ сей долженствовалъ составить довольно пространное сочиненіе.* Предоставляемъ другимъ судить объ его цѣли и окончаніи; но мы передали здѣсь только то, что слышали отъ самаго сочинителя, когда онъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ о немъ рассказывалъ.

*) Прим. Нужно-ли прибавить, что промежутки, замѣчаемыя между сими отрывочными сценами, были бы пополнены Авторомъ? — Къ сожалѣнію онъ несообщилъ намъ или мы не упомянули болѣе сего.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИННѢ Н. Н.

—

Могъ ли я полагать, любезнѣйшая Графиня, что бесѣды наши завлекутъ насъ такъ далеко? Начали съ простаго разбора Нѣмецкихъ стихотворцевъ, потѣмъ стали разсуждать о самой Поэзіи, а теперь уже пишу къ Вамъ о *Философіи*. Не пугайтесь этого имени; Вы сами требовали отъ меня развитія Философскихъ понятій, хотя выражались другими словами. Не Вы ли сами замѣтили мнѣ, что одно чувство наслажденія, при взглядѣ на какое нибудь изящное произведеніе, для Васъ неудовлетворительно, что какое-то любопытство заставляло Васъ требовать отъ себя отчета въ этомъ чувствѣ, — спросить, какою силою оно возбуждается, въ какой связи находится съ прочими способностями человѣка? Такимъ образомъ сдѣлали Вы сами собою первый шагъ ко храму Богини, которая болѣе всѣхъ прочихъ таится отъ взоровъ смертныхъ. Радуюсь блистательнымъ Вашимъ успѣхамъ я общалъ пред-

Соч. Веневитинова.

ставить Вамъ, въ краткомъ и простомъ изложе-
ніи, такую науку, которая совершенно удовлетво-
ритъ Вашему любопытству, и это обѣщаніе рѣ-
шился я исполнить въ настоящихъ письмахъ о
Философiи. Впрочемъ объ имени спорить не бу-
демъ. Если оно заслужило негодованіе многихъ,
если большой свѣтъ не различаетъ Философiи
отъ педантизма, то я согласенъ дать бесѣдамъ
нашимъ другое названіе: мы будемъ не философ-
ствовать, будемъ просто думать, рассуждать....
Но къ чему такое замѣчаніе? Я знаю Васъ, Гра-
финя, и потому буду смѣло говорить Вамъ имен-
но о Философiи. Вы слишкомъ умѣете цѣнить
наслажденія умственные, чтобы останавливаться
на пустыхъ звукахъ и не свергнуть оковъ нелѣ-
паго предубѣжденія. Вы знаете, Вы всякой день
слышите, что Философiю называютъ бредомъ,
пустой игрою ума; но въ этомъ случаѣ вѣрно
никому не повѣрите, кромѣ собственнаго опыта.
И такъ испытывайте. Если собственный рассу-
докъ Вашъ оправдаетъ сіи укоризны, не вѣрьте
Философiи, или, лучше сказать, не вѣрьте
тому, кто Вамъ представилъ ее въ такомъ видѣ.
Я самъ, начиная письма мои, прошу Васъ не за-
бывать одного условія, и вотъ оно: Если я на
одну минуту перестану быть яснымъ, то изорви-
те мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ
предметѣ. Между тѣмъ, пусть суетные безумцы
смѣются надъ нашими занятіями; — мы надѣем-
ся стать на такую высоту, съ которой не слышенъ

будетъ презрительный ихъ хохоть, а они, несчастные, и такъ уже довольно наказаны судьбою, которая лишила ихъ способа наслаждаться, подобно Намъ, благороднѣйшими наклонностями человѣка.

Прежде нежели посвятите себя таинствамъ Елевзинскимъ, Вы конечно спросите: для чего учрежены онѣ и въ чемъ заключаются; но не даромъ онѣ таинства, и этого вопроса не дѣлаютъ при входѣ. Лишь нѣсколько жрецовъ, посѣдѣлыхъ въ служеніи и гаданіяхъ, могли бы отвѣчать на него. Они хранятъ глубокое молчаніе, и вопрошающій получаетъ только одинъ отвѣтъ: «Иди впередъ, и узнаешь.» Тоже съ Философіей. Вы хотите знать ея опредѣленіе, ея предметъ, и на это я не могу дать Вамъ рѣшительнаго отвѣта. Но мы вмѣстѣ будемъ искать его въ самой наукѣ, и потому сдѣлаемъ другой вопросъ: Можетъ ли быть наука, называемая Философіей, и какъ родилась она?

Положимъ себѣ за правило: на всѣмъ останавливать наше вниманіе и не пропускать ни одного понятія безъ точнаго опредѣленія. И потому, чтобы безошибочно отвѣчать на предложенный нами вопросъ, спросимъ себя напередъ: Что понимаемъ мы подъ словомъ *Наука*? — Если бы ктонибудь спросилъ Васъ: что такое *Исторія*? Вы бы вѣрно отвѣчали: *Наука* происшествій, относящихся до бытія народовъ. — Что такое *Ариметика*? — наука чиселъ и т. д. Слѣдовательно *Исторія* и *Ариметика* составляютъ двѣ

науки; но въ опредѣленіи каждой изъ нихъ заключается ли опредѣленіе науки вообще? Разсмотримъ отвѣты подробнѣе. Ариѳметика наука чиселъ. Что это значить? Конечно то, что Ариѳметика открываетъ законы, по которымъ можно разрѣшать всѣ численныя задачи, или другими словами, что Ариѳметика представляетъ общія правила для всѣхъ частныхъ случаевъ, выражаемыхъ числами; такъ напримѣръ, даетъ она общее правило сложенія для всѣхъ возможныхъ сложений, Если мы такимъ же образомъ рассмотримъ и другой отвѣтъ, то увидимъ, что Исторія стремится связать случайныя событія въ одно для ума объятное цѣлое; для этого Исторіи сводить дѣйствія на причины и обратно выводитъ изъ причинъ дѣйствія. Въ обѣихъ сихъ наукахъ (въ Ариѳметикѣ и въ Исторіи) замѣчаемъ мы два условія: 1) Каждая изъ нихъ стремится привести частные случаи въ теорію. 2) Каждая имѣетъ отдѣльный, ей только собственный предметъ. Примѣнимъ это къ прочимъ, намъ извѣстнымъ, наукамъ, и мы увидимъ, что вообще Наука есть стремленіе приводить частныя явленія въ общую теорію или въ систему познанія. Свѣловательно необходимыя условія всякой науки суть: общее это стремленіе и частный предметъ; другими словами: форма и содержаніе. Вы позволите мнѣ, любезнѣйшая Графиня, иногда употреблять сіи выраженія, принятія всѣми занимающимися нашимъ предметомъ, и потому прошу Васъ не те-

рять изъ виду ихъ значенія. Впрочемъ объяснимся еще подробнѣе. Если всякая наука, чтобъ быть наукою, должна быть основана на какихъ нибудь частныхъ явленіяхъ (т. е. имѣть содержаніе), и приводить всѣ эти явленія въ систему (т. е. имѣть форму), то форма всѣхъ наукъ должна быть одна и таже; напротивъ того, содержанія должны различествовать въ наукахъ, напр. содержаніе Ариѳметики — числа, а Исторіи — событія. Вы теперь видите, что слово *форма*, выражаетъ не наружность науки, но общій законъ, которому она необходимо слѣдуетъ.

Съ этими мыслями возвратимся къ Философіи, и заключимъ: Если Философія — Наука, то она необходимо должна имѣть и форму и содержаніе; но какъ доказать, что философія имѣетъ содержаніе или предметъ особенный, если мы еще не знаемъ, что такое Философія? — Постараемся побѣдить это затрудненіе, и примемся за вопросъ: Какъ родилась Философія?

Всѣ науки начались съ того, что человѣкъ наблюдалъ частные случаи и всегда старался подчинить ихъ общимъ законамъ, т. е. приводить въ систему познанія. Разсмотрите ходъ собственныхъ Вашихъ занятій, и это покажется Вамъ еще яснѣе. Вы начали читать Нѣмецкихъ Поэтовъ. Умъ Вашъ, соединивъ всѣ впечатлѣнія, которыя получилъ отъ нихъ, составилъ понятіе о литературѣ Нѣмецкой и отличилъ ее отъ всякой другой, привязавъ къ ней идею особен-

наго характера. Этого мало; изъ понятій о частныхъ характерахъ Поэтовъ, Вы составили себѣ общее понятіе о Поэзіи, въ ней заключили Вы идею гармоніи, прекраснаго разнообразія; словомъ, Вы окружили ее такими совершенствами, которыхъ мы напрасно бы стали искать у одного какого-либо Поэта. Ибо Поэзія для насъ Божия невидимая; лишь отдѣльно разбѣяны по вселенной прекрасныя черты ея. Чувство, привыкшее узнавать печать Божественнаго, различило разбросанныя черты сіи на лицахъ нѣсколькихъ любимцевъ неба; изъ нихъ сотворило оно идеалъ свой, назвало его Поэзіей и воздвигло ему жертвенникъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ, не довольствуясь одною идеей Поэзіи и безотчетнымъ наслажденіемъ ею, Вы обратили вниманіе на самое чувство, на дѣйствіе самаго ума. Выписываю собственныя слова Ваши: . . . «Не то же ли я чувствую, удивляясь превосходной Мадоннѣ Рафаэля и слушая музыку Бетгофена? Не такъ же ли наслаждаюсь прелестною «статуей древности и глубокою Поэзіей Гёте? «Это заставило меня спросить: какъ могли бы «различные предметы породить одно и то же чувство, если это чувство, эта искра изящнаго не «стала въ душѣ моей прежде нежели пробудили ее предметы изящные. Я по сихъ норъ не «нахожу отвѣта и т. д.» Мы найдемъ его, любезнѣйшая Графиня, Вы сами его найдете; но не здѣсь ему мѣсто, и мы возвратимся теперь къ

предмету, чтобы не выпустить изъ рукъ Ариадниной нити.

Какъ развились собственныя Ваши понятія, такъ постепенно развивались и науки. Въ семь развитія, какъ Вы сами можете замѣтить, находятся различныя степени, опредѣляющія степени образованія. Чѣмъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно совершеннѣйшая изъ всѣхъ наукъ будетъ та, которая приведетъ всѣ случаи или всѣ частныя познанія человѣка къ одному началу. Такая наука будетъ не Математика, ибо Математика ограничила себя однѣми измѣреніями; она будетъ не Физика, которая занимается только законами тѣлъ, словомъ, она не можетъ быть такою наукою, которая имѣетъ въ виду одинъ отдѣльный предметъ; напротивъ того всѣ науки (какъ частныя познанія) будутъ сведены ею къ одному началу, слѣдовательно будутъ въ ней заключаться, и она по справедливости назовется наукою наукъ. Но мы выше замѣтили, что всякая наука должна имѣть содержаніе и форму; посмотримъ, удовлетворяетъ ли симъ условіямъ наука, которую мы теперь нашли и которую, по примѣру многихъ столѣтій, назовемъ Философіею.

Если Философія должна свести всѣ науки къ одному началу, то предметомъ Философіи должно быть вѣчто, общее всѣмъ наукамъ. Мы до-

казали выше, что всѣ науки имѣютъ одну общую форму, т. е. приведеніе явленій въ познаніе; слѣдовательно Философія будетъ наукою формы всѣхъ наукъ или наукою познанія вообще. И такъ содержаніе ея будетъ познаніе, не устремленное на какой нибудь особенный предметъ; но познаніе какъ простое дѣйствіе ума, свойственное всѣмъ наукамъ, какъ простая познавательная способность. Формою же Философіи будетъ тоже самое стремленіе къ общей теоріи, къ познанію, которое составляетъ форму всякой науки. Заключимъ: Философія есть наука; ибо она есть познаніе самаго познанія, и потому имѣетъ и форму и предметъ.

Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ всѣ науки сводятся на Философію и изъ ней обратно выводятся: но для примѣра припомнимъ опять то, что Вы сами чувствовали. Вы видѣли Мадонну— и она привела Васъ въ восторгъ; Вы спросили: отъ чего эта Мадонна прекрасна? и на это отвѣчала Вамъ наука прекраснаго или Естетика; но Вы спросили: отъ чего чувствую я красоты сей Мадонны? Какая связь между ею и мною? — и не могли найти отвѣта. Онъ принадлежитъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, къ Философіи; ибо тутъ дѣло идетъ не о законахъ прекраснаго, но о началѣ всѣхъ законовъ, объ умѣ познающемъ, принимающемъ впечатлѣнія.

Я не скрою отъ Васъ, что Философія претер-

цѣла удивительныя перемѣны и долго была источникомъ самыхъ несообразныхъ противорѣчій. Какая наука не подлежала той же участи? Замѣчательно однакожь, что она всегда почиталась наукою важнѣйшею, наукою наукъ, и не смотря на то, что обыкновенно была достояніемъ небольшого числа избранныхъ, всегда имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлыя народы. Въ послѣдствіи мы замѣтимъ это вліяніе, особенно у Грековъ. Мы увидимъ какъ Философія развилась въ ихъ Поэзіи, въ ихъ самой жизни и стремилась свободно къ своей цѣли. Ученые спорили между собою, противорѣчили другъ другу, опровергали системы и на развалинахъ ихъ воздвигали новыя; и при всемъ томъ наука шла постояннымъ ходомъ, не измѣняя общаго своего направленія. —Божественному Платону предназначено было представить въ древнемъ мірѣ самое полное развитіе Философіи, и положить твердое основаніе, на которомъ въ сіи послѣднія времена воздвигнули непоколебимый, великолѣпный храмъ Богини. Черезъ нѣсколько лѣтъ я буду совѣтовать Вамъ читать Платона. Въ немъ найдете Вы столько же Поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли.

Мы не будемъ разбирать различныхъ опредѣленій Философіи, изложенныхъ въ отдѣльныхъ системахъ. Иные называли ее наукою человѣка, другіе наукою природы и т. д. Мы доказали се-

бѣ, что она наука познанія, и этого для насъ довольно; и съ этой точки будемъ мы смотрѣть на нее въ будущихъ нашихъ бесѣдахъ.

АНАКСАГОРЪ.

БЕСѢДА ПЛАТОНА.

АНАКСАГОРЪ.

Давно, Платонъ, давно уроки божественнаго Сократа не повторялись въ нашихъ бесѣдахъ, и я по сихъ поръ напрасно искалъ случая предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ о любимыхъ нашихъ наукахъ.

ПЛАТОНЪ.

Готовъ удовлетворить твоимъ вопросамъ, любезный Анаксагоръ, если силы мои мнѣ это позволяютъ.

АНАКСАГОРЪ.

Ты всегда рѣшалъ мои сомнѣнія, Платонъ, и я не помню, чтобы ты когда-нибудь оставилъ хоть одинъ изъ нашихъ вопросовъ безъ удовлетворительнаго отвѣта.

ПЛАТОНЪ.

Если и такъ, Анаксагоръ, то не я производилъ такія чудеса, но наука, божественная наука, которая внушала рѣчи Сократа и которой я рѣшился посвятить всю жизнь свою.

АНАКСАГОРЪ.

Недавно читалъ я въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ описаніе золотого вѣка, и, признаюсь тебѣ, Платонъ, въ моей слабости: эта картина восхитила меня. Но когда я на нѣсколько времени перенесся въ этотъ міръ совершеннаго блаженства и потомъ снова обратился къ нашимъ временамъ, тогда очарованіе прекратилось, и у меня невольно вырвался горестный вопросъ: для чего дано человѣку понятіе о такомъ счастьи, котораго онъ достигнуть не можетъ? для чего имѣеть онъ несчастную способность мучить себя игрою воображенія, прекрасными вымыслами?

ПЛАТОНЪ.

Какъ? неужели ты представляешь себѣ золотой вѣкъ вымысломъ поэта, игрою воображенія? — неужели ты полагаешь, что поэтъ можетъ что либо вымышлять?

АНАКСАГОРЪ.

Безъ сомнѣнія; и я думалъ въ этомъ случаѣ быть съ тобою согласнымъ.

ПЛАТОНЪ.

Ты ошибаешься, Анаксагоръ. — Поэтъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи его, но въ самой его природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Если такъ, то для чегоже изгоняешь ты поэтовъ изъ твоей Республики?

ПЛАТОНЪ.

Я не изгоняю истинныхъ поэтовъ, но увѣнчавъ ихъ цвѣтами, прошу оставить наши предѣлы.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ; кто изъ поэтовъ не согласился бы посѣтить твою республику, чтобъ подвергнуться такому изгнанію? но не менѣе того это не доказываетъ ли, что ты считаешь поэзію вредною для общества и слѣдственно для человѣка?

ПЛАТОНЪ.

Не вредною, но бесполезною. Моя республика должна быть составлена изъ людей мыслящихъ, и потому дѣйствующихъ. Къ такому обществу можетъ ли принадлежать поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдственно

уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія?—Повѣрь мнѣ, Анаксагоръ: Философія есть высшая поэзія.

АНАКСАГОРЪ.

Я охотно соглашусь съ твоею мыслию, Платонъ, когда ты покажешь мнѣ, какъ Философія можетъ объяснить, что такое золотой вѣкъ.

ПЛАТОНЪ.

Помнишь ли ты, Анаксагоръ, слова Сократа о челоуѣкѣ? — Какъ называлъ онъ челоуѣка?

АНАКСАГОРЪ.

Малымъ міромъ.

ПЛАТОНЪ.

Такъ точно, и эти слова должны объяснить твоей вопросъ. — Что понимаешь ты подъ выраженіемъ: малый міръ?

АНАКСАГОРЪ.

Вѣрное изображеніе вселенной.

ПЛАТОНЪ.

Вообще эмблему всякаго цѣлаго и слѣдственно всего челоуѣчества. — Теперь рассмотримъ челоуѣка въ отдѣльности и примѣнимъ мысль о челоуѣкѣ ко всему челоуѣчеству. Случалось ли тебѣ знать старца, свершившаго въ добродѣтели

Соч. Веневитинова.

путь, предназначенный ему природою, и приближающагося къ концу съ богатыми плодами мудрой жизни ?

АНАКСАГОРЪ.

Кто изъ насъ, Платонъ, забудеть добродѣтельнаго Форбіаса, который, посвятивъ почти цѣлый вѣкъ любомудрію, на старости лѣтъ, казалось возвратился къ счастливому возрасту младенчества ?

ПЛАТОНЪ

Ты самъ, Анаксагоръ, развиваешь мысль мою. Такъ! всякій человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена къ боренію съ противурѣчіями міра. — Взгляни на младенца — душа его въ совершенномъ согласіи съ природою; но онъ не улыбается природѣ, ибо ему не достаетъ еще одного чувства— совершеннаго самопознанія. Это музыка, но музыка еще скрытая въ чувствѣ, не проявившаяся въ разнообразіи звуковъ. — Взгляни на юношу и на человѣка возмужалаго. Что значитъ желаніе опытности? гдѣ причина всѣхъ его покушеній, всѣхъ его дѣйствій, какъ не въ идеѣ счастья, какъ не въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаетъ самаго себя?—Взгляни наконецъ на старца: онъ, кажется, вдохновеннымъ взоромъ окидываетъ минувшее поприще, и видитъ, что всѣ бури міра для него утих-

ли, что путь трудовъ привелъ его къ желанной цѣли — къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! она снова возвращается къ своему началу. — Разсмотримъ теперь ходъ человѣчества, и тогда загадка совершенно для насъ разрѣшится. Въ какомъ видѣ представляетъ тебѣ золотой вѣкъ?

АНАКСАГОРЪ

Древніе наши поэты посвятили все свое искусство описанію какого-то утраченнаго блаженства, и слова мои не могутъ выразить моего чувства.

ПЛАТОНЪ.

Не требую отъ тебя картины; но скажи мнѣ, какъ представляешь ты себѣ первобытнаго человѣка въ отношеніи къ самой природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Онъ былъ, какъ увѣряютъ, царемъ природы.

ПЛАТОНЪ.

Царемъ природы можетъ назваться только тотъ, кто покорилъ природу; и слѣдственно, чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ — отсюда расколъ между мыслию и чувствомъ. Объясню тебѣ эти слова примѣромъ. — Представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею Аполлона. Въ душѣ его со-

вершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ ли онъ этимъ чувствомъ? Еслибъ наслажденіе его было полное, для чего бы онъ взялъ рѣзецъ? Еслибъ идеаль его былъ ясенъ, для чего старался бы онъ его выразить? Нѣтъ, Анаксагоръ! эта тишина предвѣстница бури. Но когда вдохновенный художникъ, побѣдивъ всѣ трудности своего искусства, передалъ мысль свою безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ душу его — онъ позналъ свою силу, и наслаждается въ мірѣ, ему уже знакомомъ.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ, это можно сказать о художникѣ, потому что онъ творить и для того своевольно борется съ трудностями искусства.

ПЛАТОНЪ.

Не только о художникѣ, но и о всякомъ человѣкѣ, о всемъ человѣчествѣ. — Жить ничто иное какъ творить — будущее намъ идеаль. Но будущее есть произведеніе настоящаго, то есть нашей собственной мысли.

АНАКСАГОРЪ.

И такъ, Платонъ, если я понялъ твою мысль, то золотой вѣкъ точно существовалъ и снова ожидаетъ смертныхъ.

ПЛАТОНЪ.

Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь: она снова будетъ, эта эпоха счастья, о которой мечтаютъ смертные. — Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ — всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ—всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Намъ давно не станетъ,—но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее.— Тогда пусть сбудется древнее Египетское пророчество! пусть солнце поглотитъ нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части, ее составляющія!... Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ВЪ ПЛАНѢ ЖУРНАЛА.

Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ

его непреборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. — Самопознаніе — вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ ничто иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природою, съ судьбою, чтобъ въ семъ противурѣчій испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человечества; а любознудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лице отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои правственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія: такъ напр. искусство древней Греціи, скажу болѣе, весь духъ ея отразился въ твореніяхъ Платона и Аристотеля: такимъ образомъ новѣйшая Философія въ

Германія есть зрѣлый плодъ того же энтузіазма, который одушевлялъ истинныхъ ея поэтовъ, того же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

Съ этой мыслию обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едвали можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ Литераторовъ, кажется, не подозреваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ приобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ давъ не удивленіе, но раболѣпство; отсюда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности.

Началомъ и причиною медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе Литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и еслибъ онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ на-

рода развился бы собственной своей сплюю и принял бы направление самобытное, ему свойственное; но мы, какъ будто предназначенные противурѣчить Исторіи Словесности, мы получили форму Литературы прежде самой ея существенности. У насъ прежде учебныхъ книгъ появляются журналы, которые обыкновенно бывають плодомъ учености и признакомъ общей образованности, и эти журналы по сихъ поръ служатъ пищею нашему невѣжеству, занимая умъ игрою ума, увѣряя насъ, нѣкоторымъ образомъ, что мы сравнялись просвѣщеніемъ съ другими народами Европы, и можемъ безъ усиленнаго вниманія слѣдовать за успѣхами наукъ, столь быстро подвигающихся въ нашемъ вѣкѣ, тогда какъ мы еще не вникли въ сущность познанія и не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободного энтузіазма и истинной страсти къ наукѣ.— Вотъ положеніе наше въ Литературномъ мірѣ— положеніе совершенно отрицательное.

Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. Ложныя мнѣнія не могутъ всегда состояться; онѣ порождаютъ другія; такимъ образомъ вкрадывается несогласіе и самое противурѣчіе производитъ нѣкотораго рода движеніе, изъ котораго наконецъ возникаетъ истина. Мы видимъ тому ясный примѣръ въ самой Россіи. Давно ли сбивчивыя сужденія Фран-

цузовъ о Философіи и искусствахъ почитались въ ней законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ, или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностію стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности Французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но къ несчастію оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ Литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили Французскія правила, не отъ того, что бы мы могли ихъ опровергнуть какою либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ пародѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя піитическія эпохи Исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число Поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ

искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ, и не можетъ творить; потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные Поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были Философами и, такъ сказать, вѣдцемъ просвѣщенія. У насъ языкъ Поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство нѣкоторымъ образомъ освобождаетъ отъ обязанности мыслить, и прельщая легкостію безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія. При семъ нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словестности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предприятия. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ-ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ

устранить Россію отъ нывѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, бесполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала Философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе. Сей цѣли кажется вполнѣ бы удовлетворило такое сочиненіе, въ коемъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы. Такое сочиненіе будетъ журналъ, и его вообще можно будетъ раздѣлять на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума и свойствъ его; другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ Исторіи наукъ и искусствъ. Не бесполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ, и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если мы будемъ вникать въ причины породившія современную намъ образованность, и перенесемъ на нѣкоторое время въ эпохи ей прешествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новымъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ

для разрѣшенія всѣхъ противурѣчій, которыя намъ въ ономъ представятся. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ разысканій. Древняя пластика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ. И такъ Философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ — вотъ предметы, заслуживающіе особенное наше вниманіе, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и слѣдственно своей нравственной свободы въ Литтературѣ, въ одной Философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія.

Вотъ подвигъ ожидающій тѣхъ, которые возгорятъ благороднымъ желаніемъ въ пользу Россіи, и слѣдственно человѣчества, осуществить силу врожденной дѣятельности и воздвигнуть торжественный памятникъ любомудрію, если не въ лѣтописяхъ цѣлаго народа, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ благодарныхъ сердцахъ, въ коихъ пробудится свобода мысли изящнаго и отразится лучъ истиннаго познанія.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕРЬ И НОЧЬ.

Кто изъ насъ, друзья мои, не погружался въ море минувшихъ столѣтій? Кто изъ насъ не ускорялъ полета времени и не мечталъ о будущемъ? Эти два чувства, вѣрные сопутники чловѣка въ жизни, составляютъ источникъ и вмѣстѣ предметъ всѣхъ его мыслей. Что намъ настоящее? Оно ежеминутно предъ нами исчезаетъ, разрушая всѣ надежды, на немъ основанныя. Между тѣмъ мысль о разрушеніи, объ уничтоженіи, такъ противурѣчитъ всѣмъ нашимъ чувствамъ, такъ убійственна для врожденной въ насъ любви къ существованію, къ устройству, что мы хоть памятью стараемся оживлять бывшее, вызываемъ изъ гроба тѣхъ героевъ чловѣчества, въ коихъ болѣе отразилось чувство жизни и силы, и съ горестію собирая прахъ ихъ, разсѣянный крылами времени, образуемъ новый міръ, и обѣщаемъ ему—безсмертіе. Съ этимъ міромъ безсмертія, съ этимъ лучшимъ изъ нашихъ упованій, сливаемъ мы всѣ понятія о будущемъ. Этой мысли посвящаемъ всю жизнь, въ ней видимъ свою цѣль и награду. Что можетъ быть утѣшительнѣе для Поэта, который къ ней направляетъ безпредѣльный полетъ свой? Что назидательнѣе для мыслителя, который въ ней открываетъ желаніе безконечнаго, всеобщей Гармоніи. Не изго-

найте, друзья мои, изъ области разсудка Фантазіи, этой волшебницы, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни, и которая, облекая высокое въ свою радужную одежду, не искажаетъ свѣтлаго луча истины, но дробить его на всевозможные цвѣты. Не тоже ли самое дѣлаетъ природа? Но ежели въ ней всѣ явленія, всѣ причины и дѣйствія сливаются въ одно цѣлое, въ одинъ законъ неизмѣнный, — не для того ли созданы всѣ чувства человѣка, чтобъ на богатомъ древѣ жизни породить мысль, сей божественный плодъ, приготавливаемый цвѣтами Фантазіи?

Пріятно съ вѣрнымъ понятіемъ о природѣ обратиться къ самой же природѣ, въ ней самой искать выраженія для того, что она же намъ внушила. — Все для него поясняется; всякое явленіе — эмблема; всякая эмблема — самое цѣлое.... Такъ думалъ я, пробѣгая однажды тѣ священные памятники, которые вѣкъ передаетъ другому, и которые, свидѣтельствуя о жизни и усиліяхъ человѣчества, возрастаютъ съ каждымъ столѣтіемъ, и всегда завѣщанные потомству, всегда представляютъ новое развитіе. — Такъ думалъ я, пробѣгая эту цѣпь превратностей и разнообразія, въ которой каждое звѣно необходимо, которой направленіе неизмѣнно. — И чтожь представилось разгоряченной Фантазіи? — Простите ли вы, друзья мои, сонъ воображенія, быть можетъ,

слишкомъ любопытнаго, и потому, быть можетъ обманутаго?

Врата востока открываются передъ нами — все въ природѣ съ улыбкою встрѣчаетъ первое утро; лучъ денницы отражается свѣтомъ, и озаряетъ одно — безпредѣльное — вселенную. Какъ плѣнителенъ въ эту минуту юный житель юной земли; — первое его чувство — созерцаніе, чувство младенческое, всѣмъ довольное, ничего не исключющее. Послушаемъ первую пѣснь его, пѣснь восторга безотчетнаго; она также проста, также очаровательна, какъ первый лучъ свѣта, какъ первое чувство любви. — Но онъ простираетъ руку къ свѣтилу, его поразившему, и оно для него не достигаемо. Онъ подымаетъ взоръ къ небу, душа его горитъ желаніемъ погрузиться въ это ясное море; но оно безпредѣльнымъ сводомъ простирается высоко, высоко надъ его главою. Очарованіе прекратилось; онъ изгнанъ изъ этого рая, — два Серафима, память и желаніе, съ пламенными мечами воздвигаются у завѣтныхъ вратъ, и тайный голосъ произноситъ неизбежный приговоръ: «самъ создай міръ свой». И все оживилось въ Фантазіи раздраженнаго человѣка. — Чувства гордости и желаніе дѣйствовать въ одно время пробудились въ душѣ его. Онъ отдѣляется отъ природы и вездѣ ищетъ самаго себя. Всякій предметъ дѣлается выраженіемъ его особенной мысли. Горы, лѣса, воды,

все населяется произведеніями его воображенія, и обманутое усиліе выразится совершенно — вездѣ открывасть строгій законъ необходимости, слѣпо управляющій міромъ.

Настаетъ полдень. — Чувствуя въ себѣ силу, чувствуя волю, человѣкъ покидаетъ колыбель свою; обманутой надеждой поработить себѣ природу, — онъ хочетъ властвовать на землѣ и обоготворить силу. Стихія для него не страшны, Океанъ не граница: онъ любитъ испытывать себя и ищетъ противоборника въ природѣ. Каждой страсти воздвигнуть олтарь, но и въ бурю страстей человѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Небо утромъ безмятежное покрылось въ полдень тучами, но природа не узнала тьмы; ибо молнія въ замѣну солнца, хотя минутнымъ блескомъ, разсѣвала густой мракъ.

Все утихаетъ подъ вечеръ дня: страсти гаснутъ въ сердцѣ, какъ слѣды солнца на небосклонѣ. Одинъ лучъ яркимъ цвѣтомъ брежетъ на западъ; одно чувство, но сильнѣйшее, воспламеняетъ человѣка. Вечеромъ соловей воспѣваетъ любовь въ тѣни дубравъ и пѣснь любви повторяется во всей природѣ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами. Небо говоритъ человѣку голосомъ любви; а на землѣ цвѣтокъ изъ рукъ прекрасной подруги — вѣнецъ для героя.

Но долго взоры смертнаго перебѣгали всѣ предметы... Наконецъ усталыя вѣжды сокрыли отъ него всѣ явленія; тишина ночи склонила его

ко сну — къ възрѣнію на самага себя. Только теперь душа его свободна. Предметы, пробудившіе ее къ существованію, не останавливаютъ ея болѣе; они быстро исчезаютъ передъ нею и она созидаетъ свой собственный міръ, независимый отъ того міра, гдѣ все ей казалось разнорѣчіемъ. Только теперь познаетъ человѣкъ истинную гармонию. — Уста его открываются и онъ шепчетъ такіе звуки, которые привели бы въ трепетъ младенца, но которые мыслящій старецъ записалъ бы въ книгу премудрости. — О, съ какимъ восторгомъ пробудится онъ, когда новый лучъ денницы воззоветъ его къ новой жизни, — когда довольный тѣмъ, что онъ нашелъ въ самомъ себѣ, онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденія!

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Откуда слетѣли вы къ намъ, божественныя дѣвы? не небо ли было вашей колыбелью? и для чего промѣняли вы жилище красоты и наслажденія на долину желаній и усилій? Ваши пламенные взоры горятъ огнемъ неземнымъ. Вы расточаете ласки свои смертнымъ; но черты вашего лица, какъ бы предназначеннаго вѣчной юности

сти, сохранили всю прелесть красоты дѣвственной. Кто вы, небесныя, откройтесь. Вы мнѣ уже знакомы; не ваши-ли волшебные образы летали предо мною въ тѣ счастливые часы, въ которые я мечталъ о лучшемъ мірѣ? Не васъ-ли вездѣ ищетъ мое воображеніе?

Мы сестры, отвѣчала первая Богиня, и всѣ трое царствуемъ во вселенной; но не намъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы, онъ будетъ вѣчно сіять на главѣ нашей матери. О смертный! ты часто восхищался этимъ міромъ, съ восторгомъ взиравъ на всё тебя окружающее; мы всё видимое тобою украсили. Я старшая изъ сестеръ и меня первую послала мать для того, чтобъ оживить вселенную въ очахъ твоихъ; я указала тебѣ этотъ круглый шаръ, который плыветъ въ воздухѣ; я вознесла взоры твои на сіе небо, которое какъ сводъ его обнимаетъ; я разсѣяла эти горы съ утесами, которыя какъ великаны возвышаются надъ долинами; мой искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, каждый листъ, каждую жемчужину, сокровенную на глубинѣ раковины.

Прелестно, воскликнула вторая Богиня, прелестно было произведеніе сестры моей, когда я слетѣла съ неба; но взоръ напрасно искалъ разнообразія на землѣ безцвѣтной. Все было хладно, безжизненно, какъ тѣ образы, которые представляютъ сѣрые тучи въ день пасмурный. Я взмахнула поясомъ и радуги со всѣхъ сторонъ посы-

нались на землю, ясное свѣтло загорѣлось въ воздухѣ, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; — долины и лѣса одѣлись зеленымъ цвѣтомъ, и я, довольная новымъ міромъ, возвратилась къ престолу нашей матери.

Тогда и я слетѣла на землю, сказала третья Богиня; прелестны были произведенія сестеръ моихъ: но я напрасно искала въ нихъ жизни; ничто не улыбалось мнѣ въ природѣ, мертвая тишина царствовала на землѣ и стѣсняла мои чувства; я вздохнула, и вздохъ мой повторился во вселенной; чувство жизни разлилось повсюду; всё огласилось звуками радости и всё эти звуки слились въ общую, волшебную гармонію.

Съ тѣхъ поръ, продолжала первая Богиня, съ тѣхъ поръ воздвигнулись три алтаря на землѣ; я первая встрѣтила смертнаго и мнѣ первой принесъ онъ дары свои. Онъ былъ еще странникомъ на новой землѣ; всё поражало его удивленіемъ; всё питало въ немъ то чувство гордости, которое невольно пробуждаетъ первая встрѣча съ незнакомымъ. Гдѣ найду я, говорилъ онъ, удовлетвореніе безконечнымъ моимъ желаніямъ, гдѣ найду предметъ достойный моихъ усилій? Я услышала сѣтованія смертнаго, и, первая, внушила ему смѣлую мысль похитить у бессмертныхъ огонь дающій жизнь. Я вручила ему рѣзецъ, и вскорѣ мраморъ оживился подъ его руками, и человекъ окружилъ себя собственнымъ міромъ. Они еще живы, священные памятники его усилій — его

славы. Ихъ не коснулась всё истребляющая ко-са времени. О смертный! стремись туда, гдѣ на развалинахъ столицы міра, Геній минувшаго о-новать свое владычество, и вызывая изъ праха про-чавшаго столѣтія, кажется, посмѣвается надъ настоящимъ. Вступи въ сей храмъ безсмертный, гдѣ герои древности, блѣдные какъ произведенія сна, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, возвыщаются около стѣнъ; вступи въ сей храмъ, когда утрен-ній лучъ солнца озаритъ сіе величественное сон-мище и будетъ скользить на бѣломъ мраморѣ; тогда ты познаешь мое владычество и присут-ствіе тайнаго божества поразитъ тебя благоговѣ-ніемъ.

И мнѣ повиновался смертный, воскликнула вторая Богиня, и я была его сопутницей. Когда любовь пролила въ сердцѣ его свою очарователь-ную влагу, напрасно силился онъ рѣзцемъ сест-ры моей изобразить предметъ своихъ желаній. Взоръ его напрасно искалъ въ очахъ изображе-нія того же неба, которое таилось подъ рѣсница-ми прекрасной его подруги; напрасно искалъ кра-ски стыдливости на мертвыхъ ланитахъ мрамо-ра; напрасно хотѣлъ онъ окружить образъ воз-любленной очарованіемъ безконечнаго, къ кото-рому стремилась душа его, и въ которомъ явля-ся ему идеалъ прекрасной, И чтожь? я дала ему кисть, и чувства его вполнѣ вылились на мерт-вый холстъ, и мысль о безконечномъ сдѣлалась для него понятною. О смертный! хочешь-ли ви-

дѣтъ небо на землѣ? Взгляни на сію картину, — взгляни когда яркій лучъ полдня прольетъ на нее свѣтъ свой, — ты невольно падешь на колѣна и тогда познаешь мое владычество.

Настало и мое царствованіе, примолвила послѣдняя Богиня. Случалось-ли тебѣ въ безмолвіи ночи слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекають душу, гѣшатъ ее надеждою и заставляютъ забывать всё окружающее? Это торжество мое. Ты переносишься тогда въ новый міръ, ты думаешь быть далеко отъ земли и ты въ самомъ себѣ. Въ тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожатъ при каждомъ впечатлѣніи, и служатъ какъ бы дополненіемъ всего, что ты чувствуешь въ природѣ. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражаютъ мое владычество; нѣтъ! слезы тихаго восторга напоминають смертному, что мнѣ покорено его сердце.

Мой слухъ прикованъ къ устамъ вашимъ, бессмертныя Богини; но гдѣ та, которой вы уготавлиете вѣнецъ славы — гдѣ храмъ, въ которомъ возвышается престолъ ея, изъ котораго она предписываетъ законы свои вселенной?

О смертный! весь міръ престолъ нашей матери. Ее изображалъ и мраморъ, и холстъ на землѣ; ее прославляли лиры пѣснопѣвцевъ; но она останется недосыгаемою для чувствъ смертнаго; наша мать — Поэзія; вѣчность — ея слава; вселенная — ея изображеніе.

ТРИ ЭПОХИ ЛЮБВИ.

(Отрывокъ).

Три эпохи любви переживаетъ сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, какъ пламень; она, какъ пламень, на все равно свѣтитъ, все равно согрѣваетъ; сердце нетерпѣливо рвется изъ тѣсной груди; душа просится наружу; руки все обнимаютъ, и юноша, въ первомъ роскошномъ убранствѣ весны своей, въ первомъ развитіи способностей, плѣнителенъ какъ младое древо въ раннихъ листьяхъ и цвѣтахъ. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Взоръ его не ищетъ Венеры Медицейской, когда онъ изумляется важному зрѣлищу издыхающаго Лаокоона. Холодные слова строгаго Омистра и теплые напѣвы чувствительнаго Петрарки равно звучны въ устахъ его, и любовница его—одна вселенная. Это эпоха восторговъ.

Настаетъ другая. Душа упиалась; взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Возмется-ли юноша за кисть: не древній Иосифъ, не Ангелъ благовѣститель рождается подъ нею, но образъ чистой дѣвы одушевляетъ полотно. Счастлива первая дѣва, которую онъ встрѣтитъ! Какая душа посвящаетъ ей свои восторги! Какою прелестью облекаетъ ее молодое воображеніе! Какъ пламенны о ней пѣсни

Какъ нѣжно юноша плачетъ! Эта эпоха одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни.

Что разочаровываетъ отрока, когда онъ разбивается имъ созданную игрушку? Что разочаровываетъ Поэта, когда онъ предаетъ огню первые, быть можетъ, самые горячіе стихи свои? Что заставляетъ юношу забыть первый идеалъ свой, забыть тотъ образъ, въ который онъ выливалъ всю душу? Мы не долго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого платитъ юноша за восторги второй любви своей. Чѣмъ болѣе предполагалъ онъ въ людяхъ, тѣмъ мучительнѣй для него теперь ихъ встрѣча. Онъ молчаливъ и задумчивъ. О, если тогда на другомъ челѣ, въ другихъ очахъ прочтеть онъ слѣды тѣхъ же чувствъ, если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся согласно съ его сердцемъ — съ какою радостію подастъ онъ руку существу родному! И какъ ясно понимаютъ они другъ друга! — Вотъ третья эпоха любви: это эпоха думъ.

РАЗБОРЪ СТАТЬИ • ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ 5-МЪ № МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА
НА 1825 ГОДЪ.

—

Если талантъ всегда находитъ въ себѣ самомъ мѣрило своихъ чувствованій, своихъ впечатлѣній, если удѣлъ его—попирать обыкновенные предразсудки толпы, односторонней въ сужденіяхъ, и чувствовать живѣе другаго творческую силу тѣхъ рѣдкихъ сыновъ природы, на коихъ геній положилъ свою печать, то какую бы мыслію пораженъ былъ Пушкинъ, прочитавъ въ Телеграфѣ статью о новой Поэмѣ своей, гдѣ онъ представленъ не въ сравненіи съ самимъ собою, не въ отношеніи къ своей цѣли, но вѣрнымъ товарищемъ Байрона на поприщѣ всемірной Словесности, стоя съ нимъ на одной точкѣ?

Московскій Телеграфъ имѣетъ такое число читателей, и въ немъ встрѣчаются статьи столь любопытныя, что всякое не справедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ. Въ такомъ случаѣ, обязанность всякаго благонамѣреннаго — замѣтить погрѣшности Издателя, и противиться, сколько возможно, потоку заблужденій. Я увѣренъ, что Г. Полевой не оскорбится критикою, написанною съ такою цѣлію: онъ въ душѣ сознается, что, при разборѣ Онѣгина, перомъ его,

можетъ быть, управляло отчасти и желаніе обогатить свой Журналъ произведеніями Пушкина, (желаніе впрочемъ похвальное и раздѣляемое, безъ сомнѣнія, всѣми читателями Телеграфа).

И можно ли бороться съ духомъ времени? Онъ всегда остается непобѣдимымъ, торжествуя надъ всѣми усиліями, отягощая своими оковами мысли даже тѣхъ, которые, не задолго передъ симъ, клялись быть вѣрными поборниками безпристрастія!

Первая ошибка Г. Полеваго состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что онъ полагаетъ возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности Критиковъ нашей Словесности. Это ошибка противъ расчетливости самой обыкновенной, противъ политики общежитія, которая предписываетъ всегда предполагать въ другихъ сколько можно болѣе ума. Трудно ли бороться съ такими противниками, которыхъ заставляешь говорить безъ смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаемъ Критиковъ, вымышленныхъ въ Телеграфѣ.

«*Что такое Онъгинъ?*» спрашиваютъ они: «*что за Поэма, въ которой есть главы, какъ въ книжъ и проч.?*»

Никто, кажется не дѣлалъ и вѣроятно не дѣлаетъ такого вопроса; и до сихъ поръ, кромѣ Издателя Телеграфа, никакой Литтераторъ еще не догадался замѣтить различіе между *Поэмою* и *книгою*.

Отвѣтъ стовтъ вопроса.

«Онѣгинъ» отвѣчаетъ защитникъ Пушкина: «Романъ въ стихахъ, слѣдовательно въ Романъ позволяется употребить раздѣленіе на главы и проч.»

Если Г. Полевой позволяетъ себѣ такого рода заключеніе, то не въ правѣ ли я буду такимъ же образомъ заключить въ противность, и сказать:

«Онѣгинъ Романъ въ стихахъ; слѣдовательно въ стихахъ не позволительно употребить раздѣленіе на главы,» но наши смѣлые силлогизмы ничего не доказываютъ ни въ пользу Онѣгина, ни противъ него, и лучше предоставить Г. Пушкину оправдать самимъ сочиненіемъ употребленное имъ раздѣленіе.

Оставимъ мелочной разборъ каждаго періода. Въ статьѣ, въ которой Авторъ не предположилъ себѣ одной цѣли, въ которой онъ рассуждалъ, не опираясь на одну основную мысль, какъ не встрѣчать погрѣшностей такого рода? Мы будемъ говорить о тѣхъ только ошибкахъ, которыя могутъ распространять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о Поэзіи.

Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ? Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу Словесность прелестными произведеніями? Но для чего же всегда сравнивать его съ Бейрономъ, съ поэтомъ который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей со-

средоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и, еслибъ могъ изгладиться въ Исторіи частнаго рода Поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

Всѣ произведенія Бейрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, — мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предрасудками, врѣзавшимися въ его сердцѣ, въ противорѣчій съ своими чувствами. Говорятъ: въ его Поэмахъ мало дѣйствія. Правда — его цѣль не *разказъ; характеръ его героев не связь описаній*; онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить *рядъ картинъ*, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лице, выставленное имъ на сцену. — Мысль истинно пѣтическая, творческая.

Теперь, Г. Издатель Телеграфа, повторю вамъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ *знакомъ*, вы его *любите*. Такъ! но этотъ герой Поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, *шалунъ съ умомъ, вътренникъ съ сердцемъ*, и ничего болѣе. Я сужу также, какъ вы, т. е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго Критика, который, опасаясь попасть въ *кривотолки*, не захотѣлъ произнести преждевременно своего сужденія.

Теперь, Милостивый Государь, позвольте спросить: что вы называете *новыми приобрѣтеніями*

Бейроновъ и Пушкиныхъ? Бейрономъ гордится новѣйшая Поэзія и я въ нѣсколькихъ строчкахъ уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника и проч. имѣеть неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ Русскую Словесность красотою, доселѣ ей неизвѣстными, — но, признаюсъ вамъ и самому нашему Поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ приобрѣтеній, подобныхъ Бейроновымъ, *дѣлающимъ честь вѣку*. Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV, никто бы не написалъ и Поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, а только то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе Критики, говоритъ Г. Полевой, увѣряютъ, что Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ вообще взяты изъ Бейрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобъ нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Бейрона планы Поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Бейронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Г-нѣ Пушкинѣ: ибо онъ стоитъ между вашими Стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ.

И Г. Полевой платитъ дань нынѣшней модѣ.

Въ статьѣ о Словесности, какъ не задѣтъ Баттѣ? Но великодушно ли пользоваться превосходствомъ вѣка своего для униженія старыхъ Аристарховъ? Не лучше ли не нарушать покоя усопшихъ? Мы всѣ знаемъ, что они имѣютъ достоинство только относительное; но если вооружаться противъ предразсудковъ, то не полезнѣе ли преслѣдовать ихъ въ живыхъ? И кто отъ нихъ свободенъ? Въ наше время не судятъ о Стихотворцѣ по Піитикѣ, не имѣютъ условнаго числа правилъ, по которымъ опредѣляютъ степени изящныхъ произведеній. — Правда. Но отсутствіе правилъ въ сужденіи не есть ли также предразсудокъ? Не забываемъ ли мы, что въ критикѣ должно быть основаніе положительное, что всякая Наука положительная заимствуетъ свою силу изъ Философіи, что и Поэзія неразлучна съ Философіей?

Если мы съ такой точки зрѣнія, беспристрастнымъ взглядомъ, окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (оцѣняя Словесность каждаго въ цѣломъ: степенью Философіи времени; а въ частяхъ: по отношеніямъ мыслей каждаго Писателя къ современнымъ понятіямъ о Философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится. Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что Французы, подчинившіеся его правиламъ, не имѣютъ Литературы самостоятельной. Тогда мы будемъ судить по правиламъ вѣрнымъ о Словесности и новѣйшихъ временъ; тогда причина Романтической Поэзіи

не будетъ заключаться въ *неопредѣленномъ востояннѣмъ сердца.*

Мы видѣли, какъ Издатель Телеграфа судить о Поэзіи: послушаемъ его, когда онъ говоритъ о Живописи и Музыкѣ, сравнивая Художника съ Поэтомъ.

«Въ очеркахъ Рафаэля видѣнъ художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть — и великое изумитъ ваши взоры; не хочетъ онъ — и никакія угрозы Критика не заставляютъ его писать, что хотятъ другіе.» Далѣе:

«Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ capriccio — и въ Поэзіи есть они. Таковъ Онѣгинъ.»

Какъ! въ очеркахъ Рафаэля вы видите одну только способность къ великому? Надобно ему *приняться* за кисть и окончить картину — для того, чтобъ васъ изумить? Теперь не удивляюсь, что Онѣгинъ вамъ нравится, какъ *рядъ картинокъ*; а мнѣ кажется, что первое достоинство всякаго художника есть сила мысли, сила чувствъ; и эта сила обнаруживается во всѣхъ очеркахъ Рафаэля, въ которыхъ уже видѣнъ идеалъ художника и объемъ предмета. Конечно и колоритъ, необходимый для подробнаго выраженія чувствъ, содѣйствуетъ красотѣ, гармоніи цѣлаго; но онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ и въ ихъ расположеніи. И что за сравненіе Поэмы эпической — съ картиною, и Онѣгина — съ очеркомъ.

Не хочет онъ, и никакія угрозы критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе.

Уже ли Рафаэль съ Г. Пушкинымъ исключительно пользуются правомъ не подчиняться волѣ и угрозамъ Критиковъ своихъ? Вы сами, Г. П., отъ этого права не откажетесь, и напимѣрь, если не захотите согласиться со мною на счетъ замѣченныхъ мною ошибокъ, то вѣрно угрозы васъ къ тому не привудятъ.

Въ особомъ родѣ музыкальныхъ сочиненій, называемомъ *sarpriccio*, есть также постоянное правило. Въ *sarpriccio*, какъ и во всякомъ произведеніи музыкальномъ, должна заключаться полная мысль, безъ чего и искусства существовать не могутъ. — *Таковъ Онъгинъ?* Не знаю — и повторяю вамъ: мы не имѣемъ права судить о немъ, не прочитавши всего Романа.

Послѣ всѣхъ громкихъ похвалъ, которыми Издатель Телеграфа осыпаетъ Пушкина, и котораго, впрочемъ, для самаго Поэта едва ли не опаснѣе *безмольныхъ громовъ*, кто ожидалъ бы найти въ той же статьѣ:

«Въ такомъ же положеніи, какъ Байронъ къ Поле, Пушкинъ находится къ прежнимъ сочинителямъ шуточныхъ Русскихъ Поэмъ.»

Не надобно забывать, что на предъидущей страницѣ Г. Полевой говоритъ, что у насъ *во семъ родѣ не было ни чего сколько нибудь сносно-*

го.*) Мы напомнимъ ему о Модной Женѣ И. И. Дмитриева и о Душенькѣ Богдановича.

Нѣсколько словъ о народности, которую издатель Телеграфа находитъ въ первой главѣ Онѣгина: «Мы видимъ,» говоритъ онъ: «слышимъ родные поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда.» Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій. — И во Франціи, и въ Англіи, пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы. — Нѣтъ, Г. Издатель Телеграфа! Приписывать Пушкину лишнее, — значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть Поэтомъ національнымъ.

До сихъ поръ Г. Полевой говорилъ рѣшительно; безъ всякаго затрудненія опредѣлялъ степень достоинства *будущаго* Романа Онѣгина. Его рецензія сама собою, и, кажется, безъ вѣдома

) Г. Издатель Телеграфа! Позвольте мнѣ, для ясности, привести уравненіе двухъ предполагаемыхъ вами отношеній въ принятую форму. Мы назовемъ буквою x сумму всѣхъ неизвѣстныхъ, по мнѣнію вашему, Русскихъ Писателей шуточныхъ Поэмъ — и скажемъ :

Бейронъ : Попе = Пушкинъ : x .

Замѣтимъ, что здѣсь x не искомый, что даже трудно его выразить въ Математикѣ, потому что, если лучше совсѣмъ не писать, нежели писать дурно, то x будетъ менѣе нуля. — Теперь, какъ нравится вамъ второе отношеніе нашей пропорціи?

Автора, лилась изъ пера его, — но вотъ камень преткновенія. Порывъ его остановился: — *Для Рецензента стихотвореній Пушкина, идъ взять ошмбокъ?* Милостивый Государь! Цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою; я не говорю этого на счетъ Онѣгина, но для того только, чтобы увѣрить васъ, что и ошибки опредѣляются только въ отношеніи къ цѣлому. Впрочемъ, будемъ справедливыми: и въ напечатанной главѣ Онѣгина, строгій вкусъ замѣтитъ, можетъ быть, нѣсколько стиховъ и отступленій, не совсѣмъ соотвѣтствующихъ изящности Поэзіи, всегда благородной даже и въ шуткѣ; касательно же выраженій, названныхъ вами не точными, я не во всемъ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: *вдыхаетъ мира*, въ Поэзіи прекрасно; *возбуждать улыбку*, хорошо и правильно, едвали можно выразить мысль свою яснѣе.

Мнѣ остается замѣтить Г. Полевому, что вмѣсто того, чтобы съ такою рѣшимостію заключать о Романѣ по первой главѣ, которая имѣетъ нѣчто цѣлое, полное въ одномъ только отношеніи, т. е. какъ картина Петербургской жизни, лучше бы было распространиться о разговорѣ Поэта съ книгопродавцемъ. — Въ словахъ Поэта видна душа, свободная, пылкая, способная къ сильнымъ порывамъ; — признаюсь, я нахожу въ этомъ разговорѣ болѣе истиннаго пѣтизма, нежели въ самомъ Онѣгинѣ.

Я старался замѣтить, что Поэты не летаютъ безъ цѣли, и какъ будто единственно на зло Пштыкамъ; что Поезія не есть неопредѣленная горячка ума; но, подобно предметамъ своимъ, природѣ и сердцу человѣческому, имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила. Вниманіе наше обращалось то на Разборъ Издателя Телеграфа, то на самага Онѣгина, Теперь, что скажемъ въ заключеніе?

О статьѣ Г. Полеваго — что я желалъ бы найти въ ней критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шатки и сбивчивы.

О новомъ Романѣ Г. Пушкина, — что онъ есть новый прелестный цвѣтокъ на полѣ нашей Словестности, что въ немъ вѣтъ описанія, въ которомъ бы не видна была искусная кисть, управляемая живымъ, рѣзвымъ воображеніемъ; почти вѣтъ стиха, который бы не носилъ отпечатка или игриваго остроумія, или очаровательнаго таланта въ красотѣ выраженія.

Два слова о второй пѣснѣ Онѣгина.

Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходнѣе первой. Въ ней уже совсѣмъ исчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ Бейрономъ; въ Сѣверной Пчелѣ напрасно сравниваютъ Онѣгина съ Чайльдъ-Гарольдомъ, характеръ Онѣгина принадлежитъ нашему Поэту и развитъ оригинально. Мы видимъ, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнію; но опытъ

поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую, дѣятельную досаду, а скуку, наружное безстрастіе, свойственное Русской холодности, (мы не говоримъ Русской лѣни); для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если онѣ пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не увидимся; — онѣ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключенія, онѣ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣнливо.

РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ Г. МЕРЗЛЯКОВА:

О НАЧАЛѢ И ДУХѢ ДРЕВНЕЙ ТРАГЕДІИ И ПРОЧ., НАПЕЧАТАННАГО ПРИ ИЗДАВАНІИ ЕГО ПОДРАЖАНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

Amicus Plato, magis amica veritas.

Прискорбно для любителя отечественной словесности возставать на мнѣнія вѣрнаго ея жреца въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ, и въ живыхъ переводахъ передавая намъ духъ и красоты древней Поэзіи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому Русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги Г. Мерзлякова на поприщѣ словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія, — и любовь къ истинѣ принуждаетъ нарушить молчаніе, повелѣваемое уваженіемъ къ достойному Литтератору.

Разсужденіе Г. Мерзлякова о началъ и духъ древней Трагедіи оправдываетъ истину, давно извѣстную, что тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Красоты Поэзіи близки сердцу человѣческому, и слѣдственно, легко ему понятны; но чтобы произнестъ общее сужденіе о Поэзіи, чтобы опредѣлить достоинства Поэта,

надобно основать свой приговоръ на мысли определенной, и эта мысль не господствуетъ въ Теоріи Г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть, недостатокъ Теоріи: ибо нельзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о Поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противурѣчіями. Кто изъ сего не замѣтитъ, что Рецензенту предстоитъ двойной трудъ? Говоря о такомъ разсужденіи, въ которомъ нѣтъ систематическаго порядка, онъ находится въ необходимости, не только опровергать ошибочныя мнѣнія, но и упоминать часто о томъ, что должно бы заключаться въ сочиненіи объ отрасли изящныхъ искусствъ. Къ несчастію мы встрѣтимъ довольно доказательствъ къ подтвержденію всего вышесказаннаго. Приступимъ къ дѣлу. Г. Мерзляковъ останавливаетъ насъ на первомъ шагу. Вотъ слова его:

«Трагедія и Комедія, такъ какъ и всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому.» Нужно ли доказывать неосновательность сего софизма, когда самъ Авторъ опровергаетъ его на слѣдующей страницѣ? *«Вѣроятно, говоритъ онъ, что Трагедія не принадлежитъ однимъ Грекамъ, одному какому-либо народу; но всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.»* Оно болѣе нежели вѣроятно; оно неоспоримо, если мы здѣсь

подъ словомъ Трагедія понимаемъ Драматическую Поэзію; но вѣроятно-ли, чтобы эти два періода были писаны однимъ перомъ, въ разстояніи одной страницы. То что принадлежитъ *всѣмъ народамъ, всѣмъ вѣкамъ*, не принадлежитъ ли, однимъ словомъ, человѣку, его природѣ, и можетъ-ли быть обязано своимъ началомъ *случаю*? *Обстоятельства-ли* породили въ человѣкѣ мысль и чувства? И что значитъ здѣсь *человѣческое изобрѣтеніе*? Кто изобрѣлъ языкъ? Кто первый открылъ движенія тѣла, выражающія состоянія сердца и духа? Но Г. Мерзляковъ, не подтверждая перваго своего предложенія, тотчасъ бросаетъ эту мысль, ни съ чѣмъ не связанную, какъ неудачно избранный эпиграфъ, и продолжаетъ: *«Мудрая учительница наша Природа явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпнѣи, красотѣ и благахъ неизчетныхъ, возбудила подражательность и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденіямъ и опыту и пр.»* Положимъ, что такъ; но читатель едвали постигаетъ сокрытое отношеніе сей мысли къ Трагедіи и Комедіи. Поэтъ безъ сомнѣнія заимствуетъ изъ природы форму искусства; ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и *подражательность* не могла породить искусства, котораго проистекаютъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ, и отъ нравственной его дѣятельности. Тайна сей загадки не разрѣшается, и немедленно послѣ сего слѣдуетъ исторія козла,

убитаго Икаромъ и Греческихъ праздниковъ въ честь Вакха. Въ семь разсказѣ не заключается ничего особеннаго. Онъ находится во всѣхъ Теоріяхъ, которыя, не объясняя постепенности существеннаго развитія искусствъ, облачаютъ въ забавныя сказочки Исторію ихъ происхожденія. И такъ мы не будемъ слѣдовать за Г. Мерзляковымъ, когда онъ самъ не слѣдуетъ своей собственной нити въ разысканіяхъ и воспоминаетъ давно извѣстное и пересказанное. Замѣтимъ только, что при нынѣшнихъ успѣхахъ Эстетики, мы ожидали въ Исторіи Трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показать намъ ея развитія изъ соединенія Лирической Поэзіи и эпопеи? Для чего не намекнуть на общую колыбель сихъ родовъ Поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній внимательный читатель заключилъ бы, что они неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ, отъ чего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что не стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣческимъ, что онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное. Но здѣсь не кстати распространяться о понятіяхъ такого рода, и воздвигать новую систему на мѣсто мною разбираемой Теоріи; тѣмъ болѣе, что Г. Мерзляковъ, кажется, отвергаетъ всѣ новѣйшія открытія и, вѣроятно, не уважитъ доказательствъ, на нихъ основанныхъ. Онъ говоритъ рѣшительно

что: «соблазняемые къ несчастію затѣйливѣмъ воображеніемъ нашихъ романтиковъ, мы теперь увлекаемся быстрымъ потокомъ весьма сомнительныхъ временныхъ мнѣній» и видитъ тутъ: «судьбу изящныхъ искусствъ, склоняющихся уже къ униженію.» Я осмѣлюсь вступить за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія безъ сомнѣнія не могутъ сравниться съ древними, вразсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Я съ этимъ согласенъ. Но законы частей не опредѣляются-ли сами собою, когда цѣлое направлено къ извѣстной цѣли. Нашу Поэзію можно сравнить съ сильнымъ голосомъ, который съ высоты взывая къ небу, пробуждаетъ со всѣхъ сторонъ отголоски и усиливается въ своемъ порывѣ.*) Поэзія древнихъ плѣняетъ насъ какъ гармоническое соединеніе многихъ голосовъ. Она превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей; но уступаетъ

*) Замѣтимъ, что мы здѣсь говоримъ о тѣхъ только произведеніяхъ, которыя опредѣляютъ общее направленіе мыслей въ нашемъ вѣкѣ. *Extrema coeunt*. Весь міръ составленъ изъ противоположностей, и нашъ Литтературный міръ ими богатъ. Но для чего судить по карриатурамъ? Бездушныя Поэмы, въ которыхъ нѣтъ ни начала ни конца, безхарактерные романы и повѣсти, бранчивыя критики, писанныя единственно во зло врожденнымъ законамъ Логикѣ и условнымъ правиламъ приличія, еще менѣе принадлежатъ къ числу Романтическихъ сочиненій, нежели Поэмы Шапелена къ Поэзіи Классической.

ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Поэзія Гёте Байрона есть плодъ глубокой мысли, раздробившейся на всѣ возможныя чувства. Поэзія Гомера есть вѣрная картина разнообразныхъ чувствъ, сливающихся какъ бы невольно въ мысль полную. Первая, какъ бы потокъ, рвется къ безконечному; вторая, какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Каждый вѣкъ имѣетъ свой отличительный характеръ, выражающійся во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ: на всѣ равно распространяется наблюденіе истиннаго филолога, и замѣтимъ, что науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной, и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствію. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда. Но тогда имъ угрожаетъ неминуемая опасность, когда всѣ порывы прекращаются; настоящее тянется раболѣпно по слѣдамъ минувшаго, когда холодное безстрастіе возсѣдаетъ на памятникахъ сильныхъ чувствъ и самостоятельности, и цѣлый вѣкъ представляетъ зрѣлище безнадежнаго однообразія. Вотъ что намъ доказываетъ Исторія Философіи, исторія Литтературы. — Но возвратимся къ Господину Мерзлякову.

Онъ переноситъ насъ въ первыя времена Греціи и живописуетъ намъ начальныя успѣхи гражданственной ея образованности. Въ этой части разсужденія, какъ и во многихъ другихъ, видно

клеймо истиннаго таланта. Ясное воображеніе автора не рѣдко увлекаетъ читателя; жаль что мысли его не выходятъ изъ сферы очерченной, кажется, предубѣжденіемъ. Въ литературѣ право давности не должно бы существовать, а Г. Мерзляковъ жертвуетъ ему часто собственнымъ сужденіемъ; потому и порывы чувствъ его бывають подобны блуждающимъ огнямъ, которые принимаютъ путника, но сбивають его съ дороги. Кто ожидалъ бы, чтобъ въ нашемъ вѣкѣ взирали на поэзію, какъ на *орудіе Политики*; чтобъ мы были обязаны Трагедію *мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ*? Какъ Поэзія, получившая свое существованіе *отъ случая*, должна сверхъ того влачить оковы рабства отъ самой колыбели? Безполезно опровергать эту мысль. — Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію, самъ ее отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи, безъ сомнѣнія, политика умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ Поэтовъ. Мы видимъ, что Солонъ, Пизистратъ и Пизистратиды распространяли рапсодіи Гомера и дѣйствовали тѣмъ на духъ цѣлаго народа; но оно не доказываетъ ли, что Политика, имѣвшая одну только цѣль въ виду, любовь къ отечеству, свободѣ и славѣ, не уклонялась отъ духа вѣка, который былъ вечернею зарею Героической Эпохи, воспѣтой Гомеромъ? Можно ли изъ сего заключить, что Поэзія была орудіемъ правителей? Нѣтъ! она была принаровлена къ современнымъ

правамъ и узаконеніямъ—безъ сомнѣнія; но потому только, что и сама Философія, во время рожденія Трагедіи въ Греціи, была болѣе нравоучительною, нежели умозрительною. Понятія одвухъ началахъ, перешедшія въ Грецію, вѣроятно изъ Египта, гдѣ онѣ были господствующими, начинали уже искореняться; аллегорія Гомера, въ которыхъ заключалась вся Философія ихъ времени, теряли уже высокія свои значенія, когда явился Есхиль, облекъ въ форму своихъ Трагедій народныя преданія и воскресилъ на сценѣ забытыя мысли древней Философіи. Многіе укоряли его въ томъ, что онъ обнаруживалъ въ своихъ твореніяхъ сокровенныя истины Елевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ хранился ключъ къ загадкамъ древней Миѳологіи. Этотъ укоръ не доказываетъ ли, что сей писатель стремился соединить Поэзію съ любознательностію? Ав. Шлегель съ большею основательностію предполагаетъ, что аллегорическое его произведеніе, Проміеѳей, принадлежитъ къ трилогу, коего двѣ части для насъ потеряны. Эта форма, заключающая въ себѣ развитіе полной Философической мысли, кажется принадлежностію Трагедій Есхила, который въ Агамемнонѣ, Коефорахъ и Умоляющихъ, оставилъ намъ примѣръ полнаго трилога. Теперь мы легко объяснимъ себѣ, отъ чего Гомеръ былъ обильнымъ источникомъ для Греческихъ Поэтовъ. И подлинно, гдѣ имъ было черпать, какъ не въ твореніяхъ такого Генія, который былъ зеркаломъ минувшаго, являлся имъ въ атмосферѣ

высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, въ пѣсняхъ своихъ открывалъ передъ ними великолѣпный міръ со всѣми его отношеніями къ мысли человѣка. Послѣ сихъ замѣчаній естественно представляется вопросъ: былъ-ли Гомеръ Философомъ? Стремился-ли онъ сосредоточить и развить разсѣянные понятія Религіи? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что не разрѣшивъ его, нельзя опредѣлить достоинства Поэтовъ, послѣдователей Гомера, нельзя даже судить объ успѣхахъ самаго искусства.

Этого вопроса не сдѣлалъ себѣ Г. Мерзляковъ: отъ-того, можетъ быть, и ошибается онъ въ своемъ мнѣніи о началѣ Трагедіи и вообще о достоинствѣ Поэзіи. Вся Философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ его разсказовъ и въ совершенной искренности его чувствъ. Въ немъ, какъ въ безоблачномъ возрастѣ младенчества, нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія; но вездѣ видно вѣрное созерцаніе окружающаго міра, вездѣ слабыя, но пророческія предчувствія высокихъ истинъ. Вотъ характеръ Гомеровыхъ Поэмъ; онѣ духомъ близки къ счастливому времени, въ которомъ мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную; къ тому времени, въ которомъ Философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ, и волшебная сила гармоніи, воздвигая стѣны и обра-

зую общества, въ мѣрныхъ тонахъ преподавала человечеству простыя, но безсмертныя законы.

Слабость доводовъ Г. Мерзлякова обнаруживается еще болѣе, когда онъ приваравливаетъ свою Теорію къ характеру трехъ Трагиковъ. Тутъ тщетно играетъ его воображеніе; онъ теряется въ лабиринтѣ мелочныхъ мыслей, и часто противурѣчитъ даже доказательствамъ Исторіи и неоспоримой очевидности. Предложимъ хотя одинъ примѣръ. Г. Мерзляковъ говоря объ Еврипидѣ, объясняется слѣдующимъ образомъ: *«иногда на сценѣ его являлись Государи, униженные судьбою до послѣдней крайности, покрытые рубищами и просящіе подавнїя на стогахъ града. Сїи картины, чуждыя Эсхилу и Софоклу, сначала вскружили умы.»* Но это положеніе совершенно принадлежитъ Эдипу Колонейскому, и слѣдственно не могло быть чуждымъ Софоклу и составить отличительную черту въ характерѣ Еврипида. Г. Мерзляковъ говоритъ далѣе, что онъ имѣлъ много почитателей, какъ Философъ. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшана схоластика съ Философіею. Онѣ имѣли совсѣмъ различный ходъ и разное вліяніе. Конечно схоластика всегда влачила по стопамъ Философіи, но никогда не досягала возвышенныхъ ея понятій и терялась обыкновенно въ случайныхъ примѣненїяхъ, располагаясь въ сентенціяхъ и притчахъ, Удивительно ли, что многія частныя секты были защитниками Еврипидовыхъ трагедій, когда онѣ всѣ носятъ печать

школы; но въ глазахъ Литератора-Философа это не достоинство. Творенія Еврипида не отражаютъ души его; въ нихъ нѣтъ этаго совершеннаго согласія между идеаломъ и формою, которое такъ плѣняетъ воображеніе въ Эдипѣ Колонейскомъ и вообще въ Трагедіяхъ Софокла. Въ самыхъ пламенныхъ изліяніяхъ его чувствъ невольно подозрѣваетъ его искренность.

Не буду далѣе распространяться, чтобы не утомить читателей излишними подробностями. Отдавая имъ на судъ мои замѣчанія на главныя предложенія Г. Мерзлякова, предоставляю имъ рѣшить, справедливы-ли онѣ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ любопытные могутъ примѣнить тѣ мнѣнія, которыя имъ покажутся болѣе определенными, къ характеру каждаго изъ Трагиковъ, и такимъ образомъ оцѣнить статью Г. Мерзлякова во всѣхъ ея частяхъ. Многіе замѣтятъ, можетъ быть, что я часто не высказывалъ своихъ мыслей и въ самымъ любопытныхъ вопросахъ налагалъ на нихъ оковы. Я это дѣлалъ потому, что понятія, мною кое гдѣ изложенныя, требуютъ подробнаго развитія и постоянной нити въ разсужденіи, чего не позволяетъ форма критической статьи, въ которой рецензентъ дѣлается во многихъ отношеніяхъ рабомъ разбираемаго имъ сочиненія.

Въ дополненіи рецензій моеѣ на разсужденіе Г. Мерзлякова скажу, что еслибъ оно появилось за нѣскольго лѣтъ передъ симъ, то безспорно

бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности. Слѣды Французскихъ сужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назвать нѣсколько сочиненій въ семь родѣ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія Амадея Г. Кронеберга, Харьковскаго Профессора. Въ сей книгѣ не должно искать теоретической полноты и порядка; но въ ней заключаются ясныя понятія о Поэзіи, и она доказываетъ, что авторъ искренно посвятилъ себя изящнымъ наукамъ и слѣдуетъ за ихъ успѣхами.

Скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ Г. Мерзлякова. Они представляютъ обильную жатву для того, кто бы захотѣлъ разсмотрѣть подробно ихъ красоты. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли послѣднюю рѣчь Алцесты, разговоръ Ифигеніи съ Орестомъ, пророчество Кассандры и превосходный отрывокъ изъ Одиссеи. Вездѣ видны духъ пламенный и языкъ выразительный. Хоры Г. Мерзлякова исполнены лирическаго огня. Но вообще въ слогѣ его можно бы желать болѣе гибкости и легкости, въ стихахъ болѣе отдѣлки; на примѣръ: Тезей говоритъ къ Антигонѣ и Исменѣ:

Утѣштесь нѣжны дщери,

Страдальцу наконецъ въ покой отверсты двери.

Здѣсь слово покой представляетъ явное двусмысліе. Еще можно замѣтить, что Г. Мерзля-

ковъ, вопреки тирану — употребленію, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной старины выраженія, обреченныя, нажѣтся, забвенію; конечно чрезъ такое приращеніе языкъ его не бѣднѣетъ, не терлетъ своей силы; но онъ не имѣетъ, совершенной плавности, необходимой въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшей приманки для читателей. Этого не лзя сказать о его прозѣ, которая всегда останется увлекательнок.

Я кончаю такъ, какъ началъ, увѣряя читателей, что одна любовь къ наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣній Г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что если Критика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ которымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольна ощущаемаго при чтеніи такого разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

ANALYSE

D'UNE SCÈNE DÉTACHÉE DE LA TRAGÉDIE DE MR. POUCHKIN, INSÉRÉE DANS UN JOURNAL DE MOSCOU (МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ).

De nouveaux éloges ne pourroient rien ajouter à la réputation de Mr. Pouchkin. Depuis longtems ses productions, qui décèlent toutes un talent aussi varié que fécond, font le charme du public russe. Mais quelque brillans qu'aient été jusqu'à ce jour les succès de ce poëte, quelque incontestables que soient ses droits à la gloire, les vrais amis de la littérature nationale le voyoient à regret suivre dans tous ses ouvrages une impulsion étrangère et sacrifier la vocation de poëte original à son admiration pour le Barde Anglois, qui s'offroit à ses yeux comme le génie poétique de notre siècle. Ce reproche, si flatteur pour Mr. Pouchkin, est cependant injuste sous un rapport. Il en est de l'éducation du poëte comme de tout développement moral: il faut que l'influence d'une force déjà mûre lui donne d'abord la conscience de toutes les impulsions dont il est susceptible, pour mettre en mouvement tous les ressorts de son âme et réveiller ainsi sa propre énergie. Une première impulsion ne détermine pas toujours la tendance du génie; mais c'est à elle qu'il doit son élan, et sous ce rapport Byron a été pour Pouchkin ce que les circonstances d'une

Соч. Веневитинова.

vie orageuse ont été pour Byron lui-même. Aujourd'hui l'éducation poétique de Mr. Pouchkin semble être entièrement terminée: l'indépendance de son talent est un sûr garant de sa maturité, et sa Muse, qui ne s'étoit montrée à nous que sous les traits enchanteurs des Graces, vient de prendre le double caractère de Melpomène et de Clio. Depuis longtems nous avons entendu parler de sa dernière production Boris Godounoff, et un nouveau Journal (Московский Вѣстникъ) vient de nous offrir une scène de ce Drame historique, qui n'est connu en entier que de quelques amis du Poëte. L'époque, à laquelle il se rattache, nous a déjà été présentée avec un talent admirable par le célèbre historien, dont la Russie regrettera longtems la perte, nous ne pouvons nous empêcher de croire que l'ouvrage de Nr. Karamzine n'ait été pour Mr. Pouchkin une source bien riche des détails les plus précieux. Quel est l'ami de la littérature qui verra sans intérêt ces deux génies, pour ainsi dire aux prises, développer le même tableau, chacun selon son point de vue et dans un cadre différent. Tout ce que nous avons pu apprendre sur la tragédie de Mr. Pouchkin nous autorise à croire que si d'un coté l'historien s'est élevé, par la hardiesse de son coloris à la hauteur de l'épopée, le poëte à son tour a transporté dans sa production l'imposante sévérité de l'histoire. On dit que sa tragédie embrasse toute l'époque du règne de Godounoff, ne se termine qu'à la mort de ses enfans et déroule

toute la chaîne des évènements, qui ont amené l'une des catastrophes les plus extraordinaires, dont la Russie ait jamais été le théâtre. Un cadre aussi vaste aura certainement obligé Mr. Pouchkin de se soustraire à cette régularité qu'imposent les lois dérivées du principe des trois unités. Toutefois la scène, que nous avons sous les yeux, nous prouve suffisamment, que s'il a négligé dans ses formes quelques règles arbitraires, il n'en a été que plus fidèle aux lois immuables et fondamentales de la poésie et à ce caractère de vraisemblance, qui doit être le résultat de la consciencieuse franchise avec laquelle le poète reproduit ses inspirations. Cette scène frappante de simplicité et d'énergie, peut être placée sans crainte au rang de tout ce que le théâtre de Shakespeare et de Goethe nous offre de plus parfait. L'individualité du poète ne s'y montre pas un moment: tout appartient à l'esprit du tems et au caractère des personnages. Elle vient immédiatement après l'élection de Boris au trône et doit offrir un contraste vraiment théâtral avec les scènes précédentes où le poète aura reproduit le grand mouvement, qui doit accompagner dans la capitale un événement aussi important pour le pays entier. Le lecteur est transporté dans la cellule de l'un de ces moines, auxquels nous devons nos annales. Le calme imposant qu'on ne sauroit séparer de l'idée de ces hommes, qui, éloignés du monde, étrangers à ses passions, vivaient dans le passé pour s'en constituer l'organe dans l'avenir, caracté-

rise le discours du vieillard. Il veille à la lueur de sa lampe, et une méditation involontaire, un souvenir d'un crime atroce l'arrête au moment où il va terminer sa chronique. Il doit cependant ce récit à la postérité; il reprend sa plume. Dans ce même moment Grégoire, dont il guide les années de noviciat, s'éveille brusquement, poursuivi par un songe, qui se-rait aux yeux de la superstition le qrésage d'une desti-née orageuse et à ceux de la raison l'expression vague d'une ambition encore comprimée. La dialogue, qui décèle dès les premières paroles l'opposition de ces deux caractères, conçus avec hardiesse et profon-deur, amène le récit de l'assassinat du jeune Dmitri et fait deviner déjà l'homme extraordinaire, qui se servira bientôt du nom de cet infortuné pour bou-leverser la Russie. Le besoin d'entreprises hardies, les passions fougueuses, qui doivent se développer plus tard dans le coeur de Grégoire Otrépieff, nous sont présentées avec une vérité admirable dans le discours qu'il tient au vieil annaliste:

Какъ воевалъ провель свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Юанна.
Счастливъ!.. А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣднѣйшій венокъ. —
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой? α)

Qu'il est beau le contraste de cette âme ardente avec le calme majestueux du vieillard, impassible témoin des vertus et des crimes de ses compatriotes, de ce vieillard dont l'air imposant produit une si vive impression sur son jeune interlocuteur !

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Не лъзя прочестъ его высокихъ думъ —
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый.
Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва. — β)

Les vers que nous venons de rapporter ne sont pas supérieurs au reste de cet admirable fragment

α) «O que ta jeunesse a été riche de plaisirs! Tu as combattu «sous les murs de Cazan, tu as suivi Chouïsky à la victoire «quand il repoussoit les armées de la Lithuanie. Tu as connu «Ivan et sa cour fastueuse! homme heureux! . . . Et moi dès «mes plus jeunes années misérable reclus, je traîne mes en-«nuis de cellule en cellule. Pourquoi ne devrois-je pas à mon «tour goûter la joie des combats? Pourquoi n'irois-je pas m'as-«seoir au banquet de nos Princes?»

β) «Ni son regard, ni son front élevé ne décèlent ses secré-«tes pensées. C'est toujours le même aspect tranquille et ma-«jestueux. Tel le Diak, vieilli dans les enquêtes, inaccessible «à la pitié, comme à la colere, regarde d'un oeil d'indifférence «l'innocent et le coupable, entend sans s'émouvoir la voix de «la vertu et du crime.»

dramatique, où les beautés des détails se perdent pour ainsi dire dans la beauté de l'ensemble. Un caractère de simplicité vraiment antique y régné à côté de l'harmonie et de la justesse d'expressions, qui distinguent particulièrement les vers de Mr. Pouchkin. Quelques lecteurs y chercheront peut être en vain cette fraîcheur de style, répandue sur d'autres productions du même auteur; mais l'élégance moderne, qui ajoutoit au mérite de poèmes d'un genre moins relevé, n'auroit pu que déparer un drame, où le poète se dérobe à notre attention, pour la porter tout entière sur les personnages qu'il met en scène. C'est là qu'est le triomphe de l'art, et nous pensons que Mr. Pouchkin l'a obtenu d'une manière incontestable. Ajoutons un vœu à tous ces élogés, que nous dicte une juste admiration, et souhaitons que toute la tragédie réponde au fragment que nous avons eu sous les yeux! Dès lors la littérature russe aura non seulement fait une acquisition immortelle; mais elle aura enrichi les annales de la Muse tragique d'un chef-d'oeuvre, qui pourra être placé à côté de ce que toutes les langues anciennes et modernes offrent de plus beau en ce genre.

Е В Р О П А.

(Отрывокъ изъ Герена.)

Исслѣдователь исторіи человѣчества едва ли встрѣчаетъ явленіе, которое было бы такъ ясно и вмѣстѣ такъ затруднительно для объясненія, какъ преимущество собственное Европѣ предъ прочими частями свѣта. При самомъ справедливомъ, при самомъ безпристрастномъ сужденіи о достоинствѣ другихъ земель и народовъ, мы увидимъ истину несомнѣвную: что все благороднѣйшее, все превосходное во всѣхъ родахъ, чѣмъ только гордится человѣчество, прозябало или по крайней мѣрѣ дозрѣвало на почвѣ Европейской. Множествомъ, красотой, разнообразіемъ естественныхъ произведеній Азія и Африка преимуществуютъ предъ Европою; но во всемъ, что есть произведеніе человѣка, народы Европейскіе превосходятъ жителей другихъ частей свѣта. У нихъ семейственное общество, освящая союзъ *одного* мужчины съ *одною* женщиною, получило вообще то образованіе, безъ коего облагородствованіе столь многихъ способностей нашей природы кажется невозможнымъ. У нихъ преимущественно и почти исключительно образовались правленія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть у народовъ, достигнувшихъ позна-

нія правъ своихъ. Тогда какъ Азія, при всѣхъ перемѣнахъ великихъ ея Гогусардствъ, представляеть намъ вѣчное возражденіе деспотизма, на почвѣ Европейской развернулось зерно представительныхъ правительствъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, которыя оттуда были перенесены и въ другія части свѣта. Положимъ что простѣйшія открытія механическихъ искусствъ принадлежатъ частию востоку; но какъ усовершенствовались ихъ Европейцы! Какъ далеко отъ станка на берегахъ Индуса до паровой прядильной машины, отъ указателя часовъ солнечныхъ до часовъ Астрономическихъ, которые проводятъ мореплавателя чрезъ все пространство Океана, отъ Китайской барки до Британскаго Оркога. И если наконецъ обратимъ взоры на благороднѣйшія искусства, которыми человѣческая природа превзошла, такъ сказать, сама себя, какая разница между Юпитеромъ Фидіаса и Индѣйскимъ идоломъ, между Преображеніемъ Рафаэля и твореніями Китайскаго живописца! Востокъ имѣлъ своихъ лѣтописцевъ, но никогда не произвелъ ни Тацита, ни Гиббона; имѣлъ евоихъ гѣснопѣвцевъ и ни когда ни возвышался до критики; имѣлъ мудрецовъ, которые не рѣдко сильно дѣйствовали поученіями на своихъ народовъ; но Платонъ, Кантъ не могли созрѣть на берегахъ Гангеса и Гоанго.

Менѣе-ли заслуживаетъ удивленія то политическое преимущество, которымъ народы этой

малой частицы земли, едва вышедши изъ состоянія дикаго, уже немедленно пользуются предъ обширными землями большихъ частей свѣта? И Востокъ видѣлъ великихъ завоевателей; но только въ Европѣ возникли полководцы, которые изобрѣли науку воинскую, по всей справедливости заслуживающую имя науки. Македонское царство, заключенное въ тѣсныя предѣлы, едва воспрянуло отъ младенчества, какъ уже Македоняне владычествовали на берегахъ Индуса и Нила. Наслѣдникомъ сего міродержавнаго народа былъ міродержавный градъ; Азія и Африка поклонились Цезарю. Напрасно и въ средніе вѣка, когда умственное превосходство Европейцевъ, казалось, совершенно прекратилось, напрасно восточные народы старались поработить ее. Монголы проникли до Силезіи, только степи Россіи повиновались имъ нѣсколько времени; Арабы покушались наводнить Западъ; мечъ Карла Мартела принудилъ ихъ довольствоваться одною частію Испаніи; а вскорѣ Рыцарь Франкскій, подъ знаменемъ креста, преслѣдовалъ ихъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Какъ ясно слава Европейцевъ озарила міръ съ тѣхъ поръ, какъ открытія Колумба и Васки де Гама зажгли для нихъ утро счастливѣйшаго дня! Новый міръ дѣлается ихъ добычею; болѣе трети Азіи покорилось Россійской Державѣ; купцы береговъ Темзы и Зюйдерзее поразботили Индію; если по сѣхъ поръ и удается Османамъ удержатъ въ Европѣ ими похищенное, все-

гда-ли, долго-ли оно будетъ находиться въ ихъ владѣніи? Сознаемся, что завоеванія Европейцевъ были сопряжены съ жестокостію; однакоже Европейцы были не только тиранами міра: они были также его наставниками; кажется, съ ихъ успѣхами всегда тѣсно соединяется образованіе народовъ, и если во времена всеобщихъ превращеній еще остается утѣшительная надежда для будущаго, то эта надежда не основана-ли на торжествѣ Европейской образованности внѣ самой Европы?

Откуда это преимущество, это міродержавіе тѣсной Европы? Важная истина представляется здѣсь, какъ бы сама собою. Не дикая сила, не простой физическій перевѣсъ массы — умъ подарилъ ее первенствомъ, и если военное искусство Европейцевъ и было основаніемъ ихъ владычества, то благоразумная политика сохранила имъ оное. Привсемъ томъ это еще не отвѣтъ на вопросъ, насъ занимающій; ибо именно мы хотимъ знать, откуда произошло умственное превосходство Европейцемъ? почему здѣсь именно и здѣсь исключительно способности'человѣческой природы достигли столь обширнаго и столь прекраснаго развитія?

Всѣ старанія отвѣчать совершенно удовлетворительно на сей вопросъ, были бы тщетны; явленіе въ себѣ самомъ слишкомъ богато, слишкомъ значительно. Всѣ охотно допустить, что оно не что иное, какъ послѣдствіе многихъ содействующихъ причинъ. Нѣкоторыя изъ сихъ причинъ могутъ быть отдѣльно исчислены, могутъ слѣдо-

вательно доставить нѣсколько доказательствъ. Но исчислить ихъ всѣ, показать, какъ каждая дѣйствовала сама собой въ особенности, а всѣ совокупно—такой трудъ могъ бы совершить только тотъ умъ, которому бы дано было съ высшей точки, недостижимой для смертнаго, обозрѣть всю ткань исторіи нашего рода, изслѣдовать ходъ и сцѣпленіе всѣхъ ея нитей.

Между тѣмъ важное обстоятельство представляется взорамъ, обстоятельство, на которое однакъ осторожный наблюдатель только съ робостію обратитъ свое вниманіе. Мы видимъ, что прочія части свѣта покрыты народами различнаго, почти вездѣ темнаго цвѣта, (и если цвѣтъ опредѣляетъ племена, то и различныхъ племенъ) жители Европы напротивъ того принадлежать къ одному племени. Она не имѣетъ и не имѣла другихъ природныхъ жителей, кромѣ бѣлыхъ народовъ.*) Не отличается ли сіе бѣлое племя уже большими вражденными способностями? Не самыя-ли сіи способности и даютъ ему первенство предъ прочими? Вопросъ, котораго не разрѣшаетъ Физиологія и на который только съ робостію отвѣчаетъ историкъ. Если мы скажемъ, что различіе организацій, которое мы въ столь многихъ отношеніяхъ замѣчаемъ при различіи цвѣтовъ, можетъ ускорить или замедлить развитіе умственныхъ способно-

*) Цыганы чужіе народы; а къ какому племени, къ бѣлому ли, или къ желтому должны быть причислены Лапландцы, это еще подвержено сомнѣнію.

стей, кто будетъ утверждать противное? Съ другой стороны, кто можетъ доказать это влияние? Развѣ тотъ, кому бы удалось приподнять таинственный покровъ, скрывающій отъ взоровъ нашихъ взаимные узы между тѣломъ и духомъ. Вѣроятно, однакожь, мы откроемъ эту тайну: ибо какъ усиливается эта вѣроятность, когда мы вопрошаемъ отомъ Исторію! Значительное превосходство, которымъ во всѣ вѣка, во всѣхъ частяхъ свѣта отличались бѣлые народы, есть *дѣло рѣшеное*, неоспоримое. Можно отвѣчать, что это было послѣдствіе внѣшнихъ причинъ, которыя имъ благопріятствовали; но всегда-ли такъ было, и отъ чего всегда такъ было? Почему темные народы, которые на сколько нибудь и выходили изъ состоянія варварства, достигали только *имъ* назначенной степени, степени, на которой равно остановился и Египтянинъ и Монголь, Китаецъ и Индѣецъ? Отъ чего, слѣдуя тому же закону, и между ними черные народы всегда отстаютъ отъ темныхъ и отъ желтыхъ? Если такіе опыты заставляютъ насъ вообще предположить въ нѣкоторыхъ отрасляхъ чело-вѣческаго рода большія или меньшія способности, то они нимало не доказываютъ совершеннаго недостатка способностей въ тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые темнѣе насъ, и ни какъ не могутъ быть приняты за единственную причину. Это доказываетъ только то, что всѣ опыты доселѣ намъ извѣстные увѣря-

ютъ насъ во вліяніи цвѣта на развитіе способностей народовъ; но мы охотно благословимъ времена, которыя опровергнутъ этотъ опытъ, которыя представляютъ намъ и Эѳіоповъ образованными.

Какъ бы то ни было, много-ли мало-ли заслуживаетъ вниманія сіе природное первенство жителей Европы, не лъзя не признаться въ томъ, что и физическое устройство сей части свѣта представляетъ собственныя выгоды, которыя не мало содѣйствуютъ къ объясненію занимающаго насъ явленія.

Почти вся Европа принадлежитъ сѣверному, умѣренному поясу; значительнѣйшія земли ея находятся между 40 и 60° С. Ш. Ближе къ сѣверу постепенно умираетъ природа. Такимъ образомъ наша часть свѣта ни гдѣ не представляетъ роскошнаго плодоносія тропическихъ земель, не имѣя также такого неблагодарнаго климата, который бы заставлялъ посвящать всю силу человека одной заботѣ о пропитаніи жизни. Вездѣ, гдѣ только не мѣшаютъ мѣстныя причины, Европа удобна для хлѣбопашества. Она приглашаетъ и нѣкоторымъ образомъ понуждаетъ своихъ жителей къ земледѣлію; ибо она столь же мало благопріятствуетъ жизни звѣролововъ, какъ и пастушеской. Если народы, ее населяющіе, въ извѣстныя времена и перемѣняли свои жилища, то они никогда не были собственно номадами. Они странствовали съ намѣреніемъ дѣлать завоеванія

Соч. Веневитинова.

или поселаться въ другихъ мѣстахъ, куда привлекала ихъ добыча или большее плодосіе. Европейскій народъ никогда не жилъ подъ шатрами; равнины покрытыя лѣсами, позволяли имъ строить хижины, необходимыя подъ небомъ болѣе суровымъ. Почвъ и климату Европы совершенно предназначено пріучать къ постоянной дѣятельности, которая составляетъ источникъ всякаго благосостоянія. Положимъ, что Европа могла хвалиться только немногими отличными произведеніями, что, быть можетъ, и ни одно ей исключительно не принадлежало; положимъ, что благороднѣйшіе ея продукты были перенесены на востокъ ея изъ дальнихъ земель; съ другой стороны это самое составляло необходимость воспитывать сіи чужеземные продукты. Такимъ образомъ искусство долженствовало соединиться съ природою, и это соединеніе есть именно причина преуспѣвающаго образованія рода человеческого. Безъ напряженія человекъ не расширяетъ круга своихъ понятій; разумѣется, что сохраненіе жизни не должно также занимать всѣ его силы: — Европа по большей части одарена плодосіемъ, достаточно вознаграждающимъ за труды; въ ней нѣтъ земель значительной, которая бы совсѣмъ лишена была онаго; въ ней нѣтъ песчаныхъ пустынь, какъ въ Аравіи и Африкѣ; а степи, (и тѣ обильно орошенныя рѣками), начинаются только съ восточныхъ земель. Горы посредственной величины пересѣкаютъ обыкно-

венно равнины; путешественникъ вездѣ видитъ пріятную смѣсь возвышенностей и долинъ, и если природа не является здѣсь въ роскошномъ убранствѣ жаркаго пояса, то пробуждаясь весною, она облекается прелестію, чуждою однообразію земель тропическихъ.

Конечно большая часть средней Азіи пользуется обще съ Европою подобнымъ климатомъ, и можно спросить: почему же здѣсь не встрѣчаемъ тѣхъ же явленій, но видимъ совсѣмъ тому противныя? Здѣсь пастушескіе народы Татаріи и Монголіи, кочуя въ земляхъ своихъ, осуждены пребывать въ постоянномъ нравственномъ бездѣйствіи. Свойствами почвы своей, изобиліемъ горъ и равнинъ, числомъ судоходныхъ рѣкъ, а болѣе всего прибрежными землями, лежащими около Средиземнаго моря, Европа такъ разительно отличается отъ вышеупомянутыхъ странъ, что одна температура воздуха, (притомъ не совсѣмъ одинакая даже подъ тѣми же градусами широты: ибо въ Азіи холодъ чувствительнѣе), не можетъ ни какъ служить поводомъ къ сравненію между сими частями свѣта.

Но изъ физическаго различія можно-ли вывести тѣ нравственныя преимущества, которыя были слѣдствіемъ вышезамѣчаннаго усовершенствованія семейственной жизни? Съ симъ усовершенствованіемъ начинается нѣкоторымъ образомъ исторія перваго просвѣщенія нашей части свѣта. Самое преданіе упоминаетъ, что Кек-

ропсъ, основавъ свою колонію между дикими жителями Аттики, былъ первымъ учредителемъ правомѣрныхъ браковъ: а кто не знаетъ уже изъ Тацита священнаго обычая Германцевъ, нашихъ предковъ? Одно-ли свойство климата замедляетъ, сравниваетъ постепенное развитіе обоихъ половъ и вливаетъ въ жилы мужчины кровь болѣе холодную? Или утонченное чувство, вложенное въ сердце Европейца самою природою, высшее нравственное благородство опредѣляетъ соотношеніе обоихъ половъ? Какъ бы то ни было, кто не усматриваетъ важнаго вліянія отсюда протекающаго. Не на семъ ли основаніи возвышается неразрушимая преграда между народами Востока и Запада? Подлежитъ ли сомнѣнію, что сіе усовершенствованіе семейственной образованности было необходимымъ условіемъ нашего общественнаго устройства? Повторимъ рѣшительно замѣчаніе, сдѣланное нами въ другомъ мѣстѣ: никакой народъ, у котораго позволялось многоженство, никогда не достигалъ свободнаго, благоустроеннаго правленія.

Однѣ-ли сіи причины рѣшили преимущество Европы? Присоединились-ли къ нимъ еще другія постороннія? Кто можетъ опредѣлить это? При всемъ томъ безспорно, что вся Европа можетъ хвалиться симъ преимуществомъ. Если южные народы и опередили жителей Сѣвера, если сіи послѣдніе блуждали еще полудикими въ лѣсахъ своихъ, между тѣмъ какъ тѣ уже достигли

своей зрѣлости, несмотря на то они успѣли догнать своихъ предшественниковъ. Настало и ихъ время, то время, въ которое они съ вѣрнымъ чувствомъ самопознанія обратили взоры на южныхъ братьевъ своихъ. Эти замѣчанія приводятъ насъ сами собою къ важнымъ отличительнымъ свойствамъ, собственнымъ Югу и Сѣверу нашей части свѣта.

На двѣ части весьма неравныя, на южную и на сѣверную, раздѣляется Европа цѣпью горъ, которая хотя и раскинула многія отрасли къ Югу и Сѣверу, но въ главномъ направленіи простирается отъ Запада на Востокъ и доселѣ по неизвѣстности высоты Тибетскихъ горъ, почитается высочайшею въ древнемъ свѣтѣ. — Сія цѣпь горъ есть хребетъ Альповъ, на западѣ соединяющійся съ Пиренейскими горами посредствомъ Северскихъ и простирающійся на востокъ, Карпатскою цѣпью и Балканомъ, до береговъ Чернаго моря. Она отдѣляетъ три выдавшіеся къ Югу полуострова, Пиренейскій Италію и Грецію, вмѣстѣ съ южною частію Франціи и Германіи, отъ твердой земли Европы, простирающейся къ сѣверу далѣе полярнаго круга. Сія послѣдняя, гораздо пространнѣйшая половина, заключаетъ въ себѣ почти всѣ главнѣйшія рѣки сей части свѣта, исключая Эбро, Рону, По и еще тѣ нѣсколько значительныя для судоходства рѣки, которыя вливаютъ волны свои въ Средиземное море. Никакая другая цѣпь горъ нашей земли не была столь важна для исторіи нашего ро-

да, какъ цѣпь Альповъ. Въ продолженіи многихъ столѣтій она раздѣляла, такъ сказать, два міра. Подъ небомъ Греціи и Гесперіи давно уже благоухали прекраснѣйшіе цвѣты просвѣщенія, когда въ лѣсахъ Сѣвера еще скитались разсѣянные племена варваровъ. То ли бы возвѣстила намъ исторія Европы, если бы твердыня Альпійскихъ горъ, вмѣсто того чтобы простираться близь Средиземнаго моря, протянулась по берегамъ Сѣвернаго? Конечно сія граница кажется менѣе важною въ наше время; предприниматель умъ Европейцевъ проложилъ себѣ путь черезъ Альпы, такъ какъ онъ проложилъ себѣ путь черезъ Океанъ; но много значила она въ томъ періодѣ, который занимаетъ насъ въ древности—когда сѣверъ отдѣлялся отъ юга физически, нравственно и политически, долго сія цѣпь горъ служила благотворной обороною одному противъ другаго, и хотя Цезарь, разрывая наконецъ сіи преграды, и раздвинулъ нѣсколько политическихъ границы, но какое рѣзкое и продолжительное различіе видимъ мы между Римскою и не Римскою Европою.

И такъ одинъ югъ нашей части свѣта можетъ занимать насъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ. Если онъ былъ ограниченъ въ своемъ пространствѣ, если онъ по видимому едва былъ помѣстителемъ для сильныхъ народовъ, то за то былъ онъ достаточно вознагражденъ климатомъ и положеніемъ. Кто изъ сыновей сѣвера, спускаясь

съ южной стороны Альповъ, не былъ пораженъ чувствомъ новой природы, его окружающей? Неужели эта лазурь, болѣе ясная на небѣ Гесперіи и Греціи, это дыханіе воздуха болѣе теплое, этотъ рисунокъ горъ болѣе округленный, эта прелесть утесистыхъ береговъ и острововъ, этотъ сумракъ лѣсовъ, блистающихъ золотыми плодами, неужели все это существуетъ въ однѣхъ пѣсняхъ стихотворцевъ? Здѣсь, хотя далеко отъ земель тропическихъ, уже угадываешь ихъ прелесть. Въ южной Италіи уже произрастаетъ Алое въ дикомъ состояніи; Сицилія уже производитъ сахарный тростникъ; съ вершины Этны взоръ уже открываетъ утесистый островъ Мальту, гдѣ созрѣваетъ финиковая пальма, а въ синей дали и берега близкой Африки.) Здѣсь природа нигдѣ не является въ этомъ однообразіи, которое такъ долго ограничивало умы народовъ, населявшихъ лѣса и равнины Сѣвера. Въ сихъ странахъ вездѣ смѣняются горы посредственной величины пріятными долинами, которыя Помона ущедрила прекраснѣйшими дарами. Если ограниченное пространство сихъ земель и не вмѣщаетъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, то какъ вознаграждаютъ ихъ за этотъ недостатокъ обширные берега, богатые заливами! Средиземное море принадлежитъ южной Европѣ и единственно посредствомъ Средиземнаго моря содѣлались народы

*) Bartel. Путешествіе по Сициліи.

Запада тѣмъ, чѣмъ они были. Замѣните ее степью, и мы по сихъ поръ остались бы кочующими Татарами, Монголами запоздалыми, какъ эти Номады средней Азіи.

Изъ всѣхъ народовъ Юга только три могутъ занять насъ: Греки, Македоняне и Римляне, завоеватели Италиі, а вскорѣ и вселенной. Мы назвали ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они являются въ Исторіи народами первенствующими, хотя различнымъ образомъ. Мы послѣдуемъ тому же порядку въ ихъ изображеніи.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЭГМОНДА.

(Гетѣ).

Дворецъ Правительницы.

**МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ, въ охотничьей одеждѣ,
Придворные, Пажи, Слуги.**

—

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Распустите охотниковъ: я сего дня не выѣзжаю. Скажите Махiавелю, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ.

(Всѣ удаляются.)

Мысль объ этихъ ужасныхъ происшествiяхъ не даетъ мнѣ покоя. Ни что меня не тѣшитъ, ни что не разсѣетъ; всѣ тѣже картины предомной, все тѣже заботы. Знаю впредь, Король скажетъ, что это слѣдствiе моего добросердечiя, моей слабости, а совѣсть ежеминутно говоритъ мнѣ, что я сдѣлала все нужное, все лучшее. И чтожъ было мнѣ дѣлать? Усилить, разнести повсюду этотъ пламень бурею гнѣва? Я думала поставить пожару границы и этимъ потушить его. Такъ! то, что я повторяю себѣ самой, то, въ чемъ я убѣдилась, конечно въ глазахъ моихъ меня оправдываетъ; но братъ мой — какъ приметъ онъ такiя извѣстiя? А можно ли скрыть ихъ? — Съ каждымъ днемъ возрастала гордыня пришелцевъ — учителей; они ругались надъ нашею свя-

тыней, обворожили грубыя чувства народа; предали его духу блужденія. Духи нечистые поселились между возмутителями, и чтожь? Мы были свидѣтелями дѣлъ ужасныхъ, о которыхъ и думать нельзя безъ содраганія. Я должна подробно увѣдомить о нихъ Дворъ — подробно, не теряя времени — не то предупредить меня всеобщая молва, и король подумаетъ, что мы отъ него скрываемъ еще бѣльшіе ужасы. — Не вижу ни какого средства, ни строгаго, ни кроткаго, отвратить зло.

(Входитъ Махіавель.)

Правительница.

Готовы ли письма къ Королю?

МАХІАВЕЛЬ.

Чрезъ часъ я представлю ихъ вамъ для подписанія.

Правительница.

Обстоятельно ли описалъ ты происшествія?

МАХІАВЕЛЬ.

Подробно и обстоятельно, какъ любятъ Король. Рассказываю, какъ сперва въ С. Оменѣ открылся гнусный замысль истребить иконы; какъ бѣшенныя толпы съ палками, топорами, молотами, лѣстницами, веревками, сопровождаемыя немногими вооруженными людьми, нападали на часов-

ни, на церкви и монастыри, разгоняли молеьщниковъ, выламывали ворота, опрокидывали алтари, разбивали святые лики, обдирали иконы, ловили, рвали, топтали все принадлежащее къ святынѣ; какъ между тѣмъ возрастало число бунтующихъ, и жители Иперна открыли имъ ворота города; какъ они съ немовѣрной быстротою опустошили соборную церковь и сожгли библиотѣку Епископа; какъ потомъ многочисленная толпа народа, влекомая тѣмъ же безуміемъ, устремилась на Менинь, Коминось, Фервикъ, Лилль, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, и какъ въ одно мгновеніе почти во всей Фландріи обнаружился и исполнился ужаснѣйшій заговоръ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ахъ! описаніе твое возобновило все мое горе! Къ тому же мучить меня и страхъ, что зло будетъ возрастать болѣе и болѣе. Скажи, Махиа-вель, что ты думаешь?

МАХИАВЕЛЬ.

Извините, Ваше Высочество: мои мысли такъ похожи на бредъ. Вы всегда были довольны моими услугами, но весьма рѣдко слѣдовали моимъ совѣтамъ. Часто говорили Вы мнѣ въ шутку: «Ты слишкомъ смотришь вдаль, Махиа-вель. Тебѣ быть бы Историкомъ. Кто дѣйствуетъ, тотъ заботится только о настоящемъ.» И чтожъ? Не

предвидѣлъ ли я, не предсказывалъ ли всѣхъ этихъ ужасовъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я тоже многое предвижу и не нахожу способа отвратить зло.

МАХИАВЕЛЬ.

Однимъ словомъ: Вамъ не подавить новаго ученія. Не гоните его приверженцевъ, отдѣлите ихъ отъ правовѣрныхъ, дайте имъ церкви, примите ихъ въ число гражданъ, ограничьте права ихъ, и такимъ образомъ Вы однимъ разомъ усмирите возмутителей. Всѣ прочія средства будутъ напрасны, и Вы безъ пользы опустошите землю.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Развѣ ты забылъ, въ какое негодованіе привелъ брата моего одинъ вопросъ: можно ли терпѣть новое ученіе? Ты знаешь, что онъ въ каждомъ письмѣ поручаетъ мнѣ всѣми силами поддерживать истинное вѣроисповѣданіе? Что онъ не хочетъ пріобрѣсти спокойствіе и согласіе на счетъ религіи. Развѣ въ провинціяхъ у него нѣтъ шпионовъ, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ и которые разыскиваютъ, кто именно склоняется къ новымъ мнѣніямъ? Не изумлялъ ли онъ насъ часто, открывая намъ внезапно, что люди, къ намъ близкіе, тайно приставали къ ереси? Не

приказывалъ ли онъ мнѣ быть строгою, непреклонною? — А я буду употреблять мѣры кротости? Я буду совѣтывать ему терпѣть, миловать? Не лучшій ли это способъ лишиться его довѣренности?

МАХИАВЕЛЬ.

Я очень знаю, Король приказываетъ, Король сообщаетъ Вамъ свои намѣренія. Вы должны возстановить миръ и тишину такими средствами, которыя еще болѣе ожесточатъ умы и зажгутъ неизбежно войну повсемѣстную. Подумайте о томъ, что Вы дѣлаете. Купечество заражено; дворянство, народъ, солдаты — также. Къ чему упорствовать въ своихъ мысляхъ, когда все вокругъ насъ измѣняется? Ахъ! еслибъ добрый геній шепнулъ Филиппу, что Королю приличнѣе управлять подданными двухъ различныхъ исповѣданій, нежели одну половину Царства истреблять другою!

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Впередъ чтобъ я этого не слыхала. Я знаю, что политика рѣдко согласуется съ правилами вѣры и честности, что она изгоняетъ изъ сердца откровенность, добродушіе и кротость. Дѣла свѣтскія, къ несчастію, слишкомъ ясно доказываютъ эту истину. Но не ужели мы должны играть Богомъ, какъ играемъ другъ другомъ? Не ужели мы должны быть равнодушны къ истин-

Соч. Веневитинова.

ному учению предковъ, за которое столь многіе жертвовали жизнью? И это ученіе промѣняемъ мы на чужія, невѣрныя нововведенія, которыя сами себѣ противорѣчатъ?

МАХИАВЕЛЬ.

По этимъ словамъ не сомнѣвайтесь въ моихъ правилахъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я знаю тебя, знаю твою вѣрность, и знаю, что человѣкъ можетъ быть и честенъ и благоразуменъ, забывая иногда ближайшую дорогу ко спасенію души своей. Не ты одинъ Махиабель; есть еще и другіе, которыхъ я должна любить и почитать.

МАХИАВЕЛЬ.

На кого намекаете Вы мнѣ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Признаюсь тебѣ, Егмонтъ чрезвычайно огорчилъ меня сего дня.

МАХИАВЕЛЬ.

Чѣмъ же?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Чѣмъ? Обыкновенно чѣмъ: своей холодностью, своимъ легкомысліемъ. Я получила ужасное из-

вѣстіе въ то самое время, какъ выходила изъ церкви, сопровождаемая многими и въ томъ числѣ Егмонтъ. Я не могла владѣть своей печалію, не могла скрыть ее и громко сказала, обращаясь къ нему: Вотъ что происходитъ въ вашей провинціи! и Вы это терпите, Графъ! вы, на котораго Король полагалъ всю свою надежду?

МАХИАВЕЛЬ.

И что же отвѣчалъ онъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы я говорила о бездѣлицѣ, о дѣлѣ постороннемъ. Лишь бы Нидерландцы не боялись за свои права, — всё прочее придетъ само собою въ порядокъ.

МАХИАВЕЛЬ.

Быть можетъ, въ этихъ словахъ болѣе истины, нежели приличія и благочестія. Можетъ ли существовать довѣренность, когда Нидерландецъ видитъ, что дѣло идетъ болѣе объ его имуществѣ, нежели объ истинномъ его благѣ — о спасеніи души его? Всѣ эти новые Епископы спасли ли столько душъ, сколько ограбили жителей? Не всѣ ли почти они иноземцы? По сихъ поръ мѣста Штатгальтерскія заняты еще Нидерландцами, но не ясно ли видно, что ненасытные Испанцы алкаютъ завладѣть сами мѣстами? Не лучше-ли народу видѣть въ Правителѣ своего же

соотечественника, вѣрнаго роднымъ обычаямъ, или иноземца, который напередъ старается разбогатѣть на счетъ другихъ, всѣ мѣряетъ своимъ чужестраннымъ аршиномъ и господствуетъ безъ пріязни, безъ участія къ своимъ подданнымъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ты стоишь за нашихъ противниковъ.

МАХИАВЕЛЬ.

Нѣтъ! по сердцу конечно не за нихъ. Я бы желалъ, чтобъ и разсудокъ былъ совершенно за насъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Если такъ, то мнѣ бы должно уступить имъ правленіе. Егмонтъ и Оранскій очень тѣшились надеждою занять мое мѣсто. Тогда были они противники; теперь они заодно противъ меня; они стали друзья, друзья неразрывные.

МАХИАВЕЛЬ.

И друзья опасные.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Сказать тебѣ откровенно? Я боюсь Оранскаго и боюсь за Егмонта. Не доброе замышляетъ Оранскій; мысли его всегда устремлены вдаль; онъ скрытенъ, на все, кажется, согласенъ, никогда не противорѣчитъ и съ видомъ глубокой по-

чтительности, съ величайшей осторожностью всегда дѣлаетъ все, что хочетъ.

МАХИАВЕЛЬ.

Егмонтъ, напротивъ, дѣйствуетъ свободно, какъ будто бы весь міръ ему принадлежитъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ такъ высоко носитъ голову, какъ будто бы не висѣла надъ нимъ рука Царская.

МАХИАВЕЛЬ.

Вниманіе всего народа обращено на него; онъ покоришь себѣ сердца всѣхъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Никогда не боялся онъ навлечь на себя подозрѣніе, какъ будто уже некому требовать отъ него отчета. До сихъ поръ носитъ онъ имя Егмонта; ему пріятно называться Егмонтомъ, какъ будто не хочетъ забыть, что предки его были владѣтелями Гельдерна. Зачѣмъ не называется онъ Принцемъ Гаврскимъ, какъ ему слѣдуетъ? Зачѣмъ это? Или онъ хочетъ возстановить права забытыя?

МАХИАВЕЛЬ.

Я считаю его вѣрнымъ слугою Короля.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

О! еслибъ онъ только хотѣлъ, какъ легко-могъ

бы онъ заслужить благодарность Правительства, вмѣсто того, чтобы такъ часто огорчать насъ до крайности безъ всякой собственной пользы. Его сборища, его пиры и празднества связали, сроднили дворянъ между собою тѣснѣе, нежели опаснѣйшія тайныя общества. Вино, которое лилось у него за здоровіе, на долго вскружило головы гостямъ, и пары его никогда не разсѣются. Какъ часто своими шутками приводилъ онъ въ движеніе умы народа, и мало-ли удивлялась толпа новымъ его ливреямъ и нелѣпнымъ одеждамъ его прислужниковъ.

МАХИАВЕЛЬ.

Я увѣренъ, что все это было безъ намѣренія.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Это то и несчастно. Опять повторяю: онъ намъ вредить, а себѣ пользы не приноситъ. Онъ дѣла важныя почитаетъ шутками, а мы, чтобы не казаться праздными и слабыми, мы должны самыя шутки считать дѣлами важными. Такимъ образомъ одно возбуждаетъ другое, и то, что стараешься отвратить, то именно дѣлается неизбѣжнымъ. Онъ опаснѣе, нежели иной рѣшительный глава заговора, И я почти увѣрена, что при Дворѣ уже во всемъ его подозрѣвали. Признаюсь откровенно: мало проходитъ времени, чтобы онъ меня не огорчалъ, неогорчалъ до крайности.

МАХИАВЕЛЬ.

Мнѣ кажется, онъ во всемъ дѣйствуетъ по своей совѣсти.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Совѣсть его все показываетъ ему въ зеркалѣ обманчивомъ. Поведеніе его часто обидно. Онъ часто ведетъ себя какъ человѣкъ, который совершенно увѣренъ въ превосходствѣ своей силы, и только изъ снисхожденія не даетъ намъ ее чувствовать, не хочетъ прямо выгнать насъ изъ государства, и потому старается все сладить мирнымъ образомъ.

МАХИАВЕЛЬ.

Нѣтъ! его искренность, его счастливый характеръ, который легко судитъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, не такъ опасны, какъ Вы воображаете. Вы этимъ только вредите и ему и себѣ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я ничего не воображаю. Говорю только о слѣдствіяхъ неизбѣжныхъ, и знаю его. Званіе Нидерландскаго дворянина, орденъ золотаго Руна на груди: вотъ что усиливаетъ его самоувѣренность, его смѣлость. Оба сія преимущества могутъ служить ему защитою противъ прихоти и гнѣва Царя. Разбери внимательно: не онъ-ли одинъ виновникъ всѣхъ несчастій, которыя теперь постигли Фландрію? Онъ съ самаго начала не преслѣдовалъ лжеучителей, не обращалъ на нихъ вниманія; онъ, быть можетъ, тайно и радовался, что намъ готовятся новыя заботы. Постой, постой: все, что лежитъ на сердце, все вылью я наружу

при этомъ случаѣ. Не даромъ пушу я стрѣлу; я знаю его слабую сторону, и онъ умѣетъ чувствовать.

МАХИАВЕЛЬ.

Созвали-ли Вы совѣтъ? Будетъ-ли и Оранскій?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я послала за нимъ въ Антверпенъ. Сложу, сложу на ихъ плеча все бремя отчета; пусть они вмѣстѣ со мною дѣятельно воспротивятся злу или также подымутъ знамя возмущенія. Иди, докончи скорѣе письма, и я подпишу ихъ; тогда ты не медля отправишь Васку въ Мадритъ; Васка на дѣлѣ доказалъ свою неутомимость, свою преданность. Пусть братъ мой черезъ него получить Фландрскія извѣстія, прежде нежели онѣ дойдутъ до него молвою. Я сама хочу видѣть его до его отъѣзда.

МАХИАВЕЛЬ.

Ваши приказанія будутъ исполнены скоро и точно.

МЫЩАНСКИЙ ДОМЪ.

КЛАРА, МАТЬ ЕЯ, БРАКЕНБУРГЪ.

КЛАРА.

Что-же, Бракенбургъ? ты не хочешь подержать мнѣ мотокъ?

БРАКЕНБУРГЪ.

Пожалуйста избавь меня отъ этого, милая Клара.

КЛАРА.

Что съ нимъ опять сдѣлалось? За что отказывать мнѣ въ маленькой услугѣ, когда прошу тебя изъ дружбы?

БРАКЕНБУРГЪ.

Я какъ вкопанный долженъ стоять передъ тобой съ нитками такъ, что отъ взглядовъ твоихъ нѣтъ спасенія.

КЛАРА.

Экой бредъ! держи, держи.

МАТЬ.

(сидя въ креслахъ и продолжая вязать чулокъ).

Спойте-же чтонибудь. Бракенбургъ такъ мило

подпѣваетъ. Бывало, вы всегда такъ веселы, и
мнѣ всегда есть чему посмѣяться.

БРАКЕНБУРГЪ.

Бывало.

КЛАРА.

Ну давай пѣть.

БРАКЕНБУРГЪ.

Что хочешь.

КЛАРА.

Но только живѣе. Споемъ солдатскую пѣсенку,
мою любимую.

*(Она мотааетъ нитки и поетъ вмѣстѣ съ Бра-
кенбургомъ.)*

Стучать барабаны!
Свистокъ заигралъ!
Съ дружиною бранной
Мой другъ поскакалъ.
Онъ скачетъ, качаетъ
Большое копые —
Съ нимъ сердце мое!
О что я не воинъ!
Что нѣтъ у меня
Копья и коня!

За нимъ бы помчалась
Въ далеки края,

И съ нимъ бы сражалась
Безъ трепета я.
Враги пошатнулись —
За ними во слѣдъ :
Пощады имъ нѣтъ !
О смѣлый мущина!
Кто равенъ тебѣ
Въ счастливой судьбѣ ?

(Бракенбургъ въ продолженіи пьсни нѣсколько разъ взглядывалъ на Клару. Наконецъ голосъ его задрожалъ, глаза залились слезами; онъ роняетъ мотокъ и подходитъ къ окошку. Клара одна допѣваетъ пьсню. Мать съ досадою дѣлаетъ ей знакъ; она встаетъ, приближается на нѣсколько шаговъ къ Бракенбургу, но возвращается въ нерешимости и садится.)

МАТЬ.

Что тамъ за шумъ на улицѣ, Бракенбургъ?
Мнѣ слышится, будто идутъ войска.

БРАКЕНБУРГЪ.

Лейбъ-гвардія Правительницы.

КЛАРА.

Въ эту пору! Что это значитъ? Нѣтъ! это не
вседневное число солдатъ; тутъ ихъ гораздо
больше! Почти всѣ полки. Ахъ, Бракенбургъ! по-
ди послушай, что тамъ дѣлается. Вѣрно что ви-

будь необыкновенное. Поди, мой милый; поди пожалуйста.

БРАКЕНБУРГЪ.

Иду и тотчасъ ворочусь.

(Уходя протягиваетъ ей руку, она подаетъ ему свою.)

МАТЬ.

Ты опять его отсылаешь?

КЛАРА.

Я любопытна. И притомъ, признаюсь вамъ, меня мучить его присутствіе. Я не знаю, какъ съ нимъ обращаться. Я передъ нимъ виновата, и мнѣ больно видѣть, что онъ это такъ живо чувствуетъ. — А мнѣ что дѣлать? какъ бѣдѣ помочь?

МАТЬ.

Онъ такой вѣрный малой.

КЛАРА.

Я также не могу отвыкнуть дружески встрѣчать его. Рука моя сама собою сжимается, когда онъ тихо кладетъ въ нее свою руку. Я сама браню себя за то, что его обманываю, что питаю въ сердце его надежду напрасную. Мученье мнѣ, мученье. Клянусь Богомъ, я его не обманываю, я не хочу, чтобъ онъ надѣялся, и не могу одна-кожъ видѣть его въ отчаяніи.

МАТЬ.

Не хорошо, не хорошо.

КЛАРА.

Я любила его и по сихъ поръ желаю ему добра отъ всей души. Я бы согласилась выдти за него замужъ, а кажется никогда влюблена въ него не была.

МАТЬ.

Ты могла бы съ нимъ быть счастлива.

КЛАРА.

То есть безъ заботъ, могла бы жить покойно.

МАТЬ.

И все это прогулала ты по своей собственной винѣ.

КЛАРА.

Я нахожусь въ странномъ положеніи. Когда мнѣ придетъ въ голову спросить себя, какъ все это сдѣлалось; я хоть и знаю, да не понимаю, а взгляну только на Егмонта — и все становится мнѣ понятнымъ; охъ! при немъ для меня и не это одно понятно. Что за человекъ! онъ Богъ въ глазахъ всѣхъ провинцій; а мнѣ въ объятіяхъ его не считается счастливейшимъ созданиемъ въ мірѣ!

Соч. Веневитинова.

МАТЬ.

Что-то готовить будущее?

КЛАРА.

Ахъ! у меня только одна забота: любить-ли онъ меня. А мнѣ ли это спрашивать?

МАТЬ.

Отъ дѣтей только и наживешь что хлопотъ, да горе. Чѣмъ-то это кончится. Все тоска, да тоска. Нѣтъ! не добромъ это кончится! Ты и себя и меня сдѣлала несчастною.

КЛАРА (*хладнокровно*).

Сначала вы сами позволяли.

МАТЬ.

Къ несчастію я была слишкомъ добра, я всегда слишкомъ добра.

КЛАРА.

Когда бывало Егмонтъ ѣдетъ мимо насъ, а я побѣгу къ окну, бранили ли вы меня? Не подходили ли сами къ окну? И когда онъ смотрѣлъ на насъ, улыбался, махалъ мнѣ рукою и кланялся, гнѣвались ли вы? Не сами ли радовались, что дочка дожила до такой чести?

МАТЬ.

Упрекай еще мнѣ кстати.

КЛАРА (*съ чувствомъ*).

Когда онъ сталъ чаще проѣзжать нашей улицей, и мы очень чувствовали, что онъ это дѣлалъ для меня, не сами ли вы это замѣтили съ тайной радостью? Вы не запрещали мнѣ стоять у окна и поджидать его.

МАТЬ.

Могла ли я думать, что шалость завлечетъ тебя такъ далеко?

КЛАРА.

(*дрожащимъ голосомъ, по удерживая слезы*).

А помните, вечеромъ, какъ онъ вдругъ явился весь закутанъ въ эпанчѣ и засталъ насъ за столомъ у ночника: кто принялъ его, когда я сидѣла безъ памяти, и какъ бы прикованная къ стулу?

МАТЬ.

Могла ли я бояться, что умная моя Клара такъ скоро предается этой несчастной любви? Теперь должно терпѣть, чтобы дочь моя.....

КЛАРА (*заливаясь слезами*).

Матушка! вы хотите терзать меня! вы радуетесь моему мученію.

МАТЬ (*плачетъ*).

Плачь еще, плачь! Огорчай меня еще болѣе

своимъ отчаяньемъ! Итакъ ужъ мнѣ тоски довольно. Итакъ довольно прискорбно видѣть, что дочь моя, дочь единственная, всѣми отвержена.

КЛАРА (*вставая и холодно*).

Отвержена! любовница Егмонта отвержена! Какая женщина не позавидуетъ участи бѣдной Клары! Ахъ матушка, любезная матушка! вы никогда такъ не говорили. Успокойтесь, матушка, примиритесь со мною... Что говорить народъ? Что шепчуть сосѣдки?... Нѣтъ! эта компанка, этотъ домикъ — они стали раемъ съ тѣхъ поръ, какъ обитаетъ въ нихъ любовь Егмонта.

МАТЬ.

Его нельзя не любить. Это правда. Онъ всегда такъ привѣтливъ, такъ открытъ и свободенъ.

КЛАРА.

Въ его жилахъ нѣтъ ни капли начистой крови. Подумайте сами, матушка. Егмонтъ великъ и славенъ; а когда ко мнѣ придетъ — онъ такъ милъ, такъ добросердеченъ. Онъ всѣмъ бы мнѣ пожертвовалъ — и чиномъ своимъ и храбростію. Онъ мною такъ занятъ! Онъ тутъ просто человекъ, просто другъ, ахъ! просто любовникъ.

МАТЬ.

Сего дня будетъ ли онъ?

КЛАРА.

Развѣ вы не замѣтили, какъ я часто подбѣгаю къ окошку? Какъ вслушиваюсь, когда чтонибудь зашумитъ за дверью? Хотя и знаю я, что онъ до ночи не приходитъ, однакожь всякую минуту жду его съ самаго утра — какъ только встану. За чѣмъ я не мальчикъ? Я всегда бы съ нимъ ходила — и при дворѣ и вездѣ! И въ сраженіи я понесла бы за нимъ знамя.

МАТЬ.

Ты всегда была вертушкой. Бывало, еще ребенкомъ, то рѣзва безъ памяти, то задумчива. — Неужели ты не одѣнешься немного лучше?

КЛАРА.

Можетъ статья, матушка. Если мнѣ будетъ скучно, то одѣнусь. Вчера — подумайте — прошло нѣсколько изъ его солдатовъ: они пѣли ему похвальные пѣсни. Покрайней мѣрѣ, они въ пѣсняхъ поминали его имя; прочаго я не поняла. Сердце у меня такъ и рвалось изъ груди; и еслибы не стыдъ остановилъ, я бы охотно ихъ воротила.

МАТЬ.

Смотри, остерегайся. Твое пламенное сердце тебя погубитъ. Ты явно избличаешь себя передъ честными людьми. Какъ намедни у дяди —

увидѣла картинку съ описаніемъ и вдругъ закричала: Графъ Егмонтъ! — Я вся покраснѣла.

КЛАРА.

Какъ мнѣ не вскрикнуть! Это было Гравелингенское сраженіе. Вверху на картинкѣ вижу букву С; ищу С въ описаніи, и чтоже? тамъ написано: Графъ Егмонтъ, подъ которымъ убита лошадь. Я обмерла, но потомъ невольно разсмѣялась, какъ увидѣла напечатаннаго Егмонта, который ростомъ съ башню Гравелингенскую и не меньше Англійскихъ кораблей, представленныхъ въ сторонѣ. Когда я вспомню, какъ бывало я представляла себѣ сраженіе, и какъ воображала себѣ Графа Егмонта въ то время, какъ вы рассказывали о немъ и прочихъ Графахъ и Князьяхъ; когда вспомню и сравню эти картины съ нынѣшними своими чувствами.....

(Бракенбургъ входитъ.)

КЛАРА.

Что новаго?

БРАКЕНБУРГЪ.

Ни кто ни чего не знаетъ вѣрнаго. Говорятъ, что во Фландріи было недавно возмущеніе, и что Правительница должна смотрѣть, какъ бы и здѣсь оно не распространилось. Замокъ окруженъ войсками; у воротъ толпятся граждане; улицы кипятъ народомъ. Поспѣшу къ старику своему, къ отцу.

(Будто хочетъ идти.)

КЛАРА.

Завтра увидимъ тебя? Я хочу немного лучше одѣться. Къ намъ будетъ дядя, а я такъ неопрятна. — Матушка, помогите мнѣ на минуту. — Возьми съ собою книгу Бракенбургъ, и принеси мнѣ еще такую же повѣсть.

МАТЬ.

Прощай.

БРАКЕНБУРГЪ.

(подавая руку Кларѣ).

Ручку.

КЛАРА *(отказываясь).*

Когда воротисься.

(Мать уходитъ съ дочерью.)

БРАКЕНБУРГЪ *(одинъ).*

Рѣшился тотчасъ же идти; но она на это согласна, она равнодушно отпускаетъ, и я готовъ взбѣситься. — Несчастный! И тебя не трогаетъ судьба отечества! Ты хладнокровно видишь возрастающій мятежъ! Для тебя все равно, что Испанецъ, что землякъ, что власть, что право? Таковъ ли я былъ мальчикомъ въ училищѣ? Когда намъ задали написать «рѣчь Брута о свободѣ, для упражненія въ краснорѣчии,» кто былъ первый, какъ не Фрицъ? и что же сказалъ Ректоръ? — «Еслибъ только больше было порядка, да не такъ

все перемѣшано.» — Тогда сердце кипѣло и рвалось. Теперь, волочусь за этой дѣвушкой, какъ будто прикованъ къ глазамъ ея. И не могу ее оставить! И не можетъ она любить меня! Ахъ! Нѣтъ! и не совсѣмъ она меня разлюбила!—Какъ не совсѣмъ? Нисколько, нисколько не разлюбила! она все таже.... И все пустое.—Долѣе не стерплю, не могу терпѣть. Или повѣрить тому, что шепнулъ мнѣ на дняхъ пріятель?—что она ночью выпускаетъ къ себѣ мужчину, она, которая всегда выгоняетъ меня изъ дому, какъ только начнетъ смеркаться. Нѣтъ! это ложь, ложь постыдная, проклятая. Клара моя также невинна, какъ я несчастливъ. Она разлюбила меня; для меня нѣтъ мѣста въ ея сердцѣ. — И мнѣ влачить такую жизнь! Я сказалъ, не стану, не могу терпѣть долѣе. Отечество мое непрерывно раздираютъ междоусобныя войны, а я... буду смотрѣть, какъ полумертвый; на эти раздоры? Нѣтъ, я не стерплю. — Когда зазвучитъ труба, когда раздастся выстрѣлъ: по мнѣ пробѣжитъ холодная дрожь. И меня не тянетъ легѣть своимъ на помощь, за одно съ ними броситься въ опасности! — Несчастное, позорное состояніе! Лучше умереть разомъ! Давно ли бросился я въ воду? — пошелъ ко дну, и что же? природа съ своимъ страхомъ одержала верхъ, я чувствовалъ, что могу плыть, и спасся нехотя. — Еслибы могъ я хоть забыть то время, въ которое она меня любила, или тѣшила любовью! За чѣмъ это счастье врѣзалось въ серд-

це, врѣзалось въ память? За чѣмъ эти надежды, указывая на отдаленный рай, отравили для меня всѣ наслажденія жизни? — А первый поцѣлуй? Ахъ! первый и послѣдній! Здѣсь... (*положивъ руку на столъ*) здѣсь сидѣли мы одни. Она всегда была ко мнѣ ласкова. Тутъ показалось, что она была нѣжнѣе обыкновеннаго. Взглянула на меня — все около меня закружилось, и я чувствовалъ, что губы ея горѣли на моихъ. — А теперь... теперь? — Умри несчастный! къ чему страхъ и сомнѣнья? (*вынимаетъ изъ кармана стеклянку*). Не даромъ я укралъ тебя изъ ящичка брата доктора, ядъ спасительный! Ты все разсѣешь: и боязнь и сомнѣніе, и мучительное предчувствіе смерти.

К О Н Е Ц Ъ .

ОТЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ первому изданію стихотвореній Венев-тинова.....	7
— Къ друзьямъ (1821).....	13 ✓
— Знаменія передъ смертію Цезаря (1823).....	14 ✓
— Къ друзьямъ на Новый годъ (1823).....	16 ✓
— Вѣточка (1823).....	17 ✓
— Первый отрывокъ изъ неоконченной Поэмы (1824).....	19 ✓
— Второй отрывокъ изъ неоконченной Поэмы (1824).....	20 ✓
— Пѣснь Коэльмы (1824).....	22 ✓
— Къ С....., при посылкѣ ему Водевля (1825).....	24 ✓
— Сонетъ (1825).....	26 ✓
— Сонетъ.....	27 ✓
— Четыре отрывка изъ неоконченнаго пролога: <i>Смерть Байрона</i> (1825).....	28 ✓
— Пѣснь Грека (1825).....	31 ✓
— Любимый цвѣтъ (1825).....	33 ✓
— К. И. Герке.....	35 ✓
— Посланіе къ Р-ну (1825).....	38 ✓
— Поэтъ.....	39
— Новгородъ.....	40
— Моя молитва.....	43 ✓
— Жизнь.....	44 ✓
— Посланіе къ Р-ну.....	— ✓
— Загѣщаніе.....	47 ✓
— Къ моему перстню.....	49 ✓
— Три розы.....	51 ✓

— Три участи.....	52 ✓
— Домовой.....	53 ✓
— Къ Пушкину.....	54 ✓
— Къ любителю музыки.....	56 ✓
— Утѣшеніе.....	57 ✓
— Жертвоприношеніе.....	59 ✓
— Къ изображенію Ураніи.....	60 ✓
— На новый 1827 годъ.....	— ✓
— Крылья жизни.....	61 ✓
— Италия.....	63 ✓
— Элегія.....	64 ✓
— Къ моей Богинѣ.....	65 ✓
— XXXV.....	67 ✓
— Поэтъ и другъ.....	69 ✓
— Последніе стихи.....	73 ✓
— Земная участь и апофеоза художника.....	77 ✓
— Отрывки изъ Фауста.....	101 ✓
Предисловіе къ первому изданію сочиненій въ Прозѣ	
Веневитинова.....	111
Письмо къ Графинѣ N. N. о Философіи.....	121 ✓
Анаксагоръ.....	130
Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала.....	137
Утро, полдень, вечеръ и ночь.....	143
Скульптура, живопись и музыка.....	149
Три эпохи любви (отрывокъ).....	154
Разборъ статьи о Евгениѣ Онѣгинѣ, помѣщенной въ 5-мъ	
№ Московскаго Телеграфа на 1825 годъ.....	156
Разборъ разсужденія Г. Мерзлякова : о началѣ и дугѣ	
древней Трагедіи, и пр.....	168
Analyse d'une scène détachée. de la Tragédie de Mr. Pouch-	
kin, insérée dans un journal de Moscou (Московскій	
Вѣстникъ).....	181
Европа (отрывокъ изъ Герена).....	187
— Сцены изъ Эгмонда (Гёте).....	201

891.7V556

I3

COLUMBIA UNIVERSITY

62190

NEH

PRESERVATION MICROFILMED

dg088946

BOUND

JUL 17 1961

